

Шарлотта Германн

ОТ ПАЙЕРНА ДО КРАСНОЯРСКА

Шарлотта Германн

ОТ ПАЙЕРНА ДО КРАСНОЯРСКА

**Путешествие молодой жительницы
из Пайерна в 1883 г.**

*Переизданный рассказ с несколькими неопубликованными
письмами, представленный Шарлоттой Германн*

Перевод с французского Н. Ф. Гавриловой

**Красноярск
2020**

ББК 63.3(2)5

Г38

Г38 Германн Ш.

От Пайерна до Красноярск / Шарлотта Германн (пер. с франц. Н.Ф. Гавриловой). — Красноярск : ООО «КАСС», 2020. — 160 с.

ISBN 978-5-6045145-2-8

Издание осуществляется
при поддержке
государственной
грантовой программы
Красноярского края

ISBN 978-5-6045145-2-8

Данное издание предлагает читателям интересную историю о судьбе образованной девушки Олимпии Риттенер из Швейцарии. Стремясь к благосостоянию и романтическим отношениям, она решается уехать в далекую Сибирь в качестве гувернантки. Описывает впечатления от изнурительного путешествия по Российской империи, от проживания и быта в известной семье купца-золотопромышленника А.П. Кузнецова в начале 1880-х годов в Красноярске.

Книга может быть интересна широкому кругу читателей, интересующихся историей России в XIX веке.

© Гаврилова Н. Ф., перевод на русский, 2020
© Оформление. ООО «КАСС», 2020

*Посвящается
130-летию Красноярского краевого
краеведческого музея*

В письмах Олимпия Риттнер остроумно с нескрываемым интересом описывает свое путешествие в Сибирь, традиции и обычаи народов Енисейской губернии, повседневную жизнь Красноярска в начале 1880-х годов. Хронологические рамки писем охватывают период: сентябрь, октябрь, декабрь 1883 года и январь, апрель, июль 1884 года.

Автор писем своеобразно излагает свои впечатления о российских городах, которые проезжает: Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Перми, Екатеринбурге, Тюмени, Тобольске, Томске и Красноярске. За месяц своего пути из Петербурга до Красноярска храброй девушке пришлось проехать всеми видами транспорта: пароходами, телегами, тарантасами. Последние приносили ей немало физических страданий. Любопытны ее замечания о попутных встречах с инородцами (остяки, татары), тяжелых впечатлениях мимолетных встреч с каторжанами и политическими ссыльными.

Во время своего путешествия и проживания в семье известного золотопромышленника Александра Петровича Кузнецова швейцарская гувернантка описывает свои впечатления о той обстановке, которая ее окружала. Являясь гувернанткой на протяжении около семи лет, она тесно общается с членами знаменитой семьи Кузнецовых. О. Риттнер находит забавные слова и выражения своего душевного состояния к тому образу жизни, к которому ей приходится привыкать, такие как «настоящая жизнь бродячей цыганки», «моя тарабарщина», «вид растерянной курицы».

Письма молодой швейцарской учительницы Олимпии Риттнер являются дополнительным источником для изучения повседневной жизни, традиций и обычаев народов Енисейской губернии в XIX веке.

Стилистика писем, слова в круглых скобках сохранены. Недописанные части слов заключены в квадратные скобки.

Письма О. Риттнер на французском языке *Olympe Rittener. De Payerne à Krasnojarsk. Voyage d'une jeune Payernoise en 1883. Récit republié avec quelques lettres inédites et présenté par Charlotte Hermann* читатели могут найти в полном объеме на электронном ресурсе*.

* http://www.bonanomi.ch/lj_rittener_164_familie/pdf/olymperrittener.pdf.

Сердечно благодарю за помощь в редактировании текста старших научных сотрудников А. В. Быстрову и Т. С. Комарову, а также в подборе фотографий из фондов КККМ И. В. Куклинского, зам. директора по экспозиционно-выставочной работе и маркетингу.

Н. Ф. Гаврилова

Этот рассказ о путешествии опубликован в виде статей в газете «Демократ» с 10 сентября по 12 ноября 1884 года в Пайерне.*

ВВЕДЕНИЕ

В нашей семье путешествие моей двоюродной тети Олимпии в Сибирь в 1883 году всегда расценивалось как подвиг. Действительно, можно представить, каким сильным характером должна обладать двадцатипятилетняя девушка, чтобы отправиться так далеко, в центр Азии. Безусловно, пристрастие к приключениям сыграло важную роль в ее выборе.

* Окружная университетская библиотека в Лозанне. О. У. Б., шифр Б 1230.

Ее ожидали необычные испытания на выносливость, так как нужно помнить, что Транссибирская магистраль еще не существовала — ее построили только между 1891—1898 годами — и транспортные средства между Петербургом и Красноярском были самыми примитивными. Как выяснилось, не было даже дилижансов.

Прежде чем приступить к повествованию о путешествии Олимпии, хотелось бы немного поговорить о ней как о личности и о ее окружении.

Маленький городок Пайерн, где родилась Олимпия Р[иттенер] в 1862 году, находится в загородной части кантона¹ Во, на берегу реки Бруа. Его жители вели спокойный и довольно-таки однообразный образ жизни. Два-три раза в год город веселился во время местных праздников: соломенные факелы, или пайернский карнавал, розыгрыш, большой праздник по стрельбе и праздники, посвященные выборам!

Пайерн гордился своей королевой Бертой и генералом Жомини², но почти не заботился о внешнем виде монастырской церкви (XI в.), которая была одновременно и амбаром, и тюрьмой, вероятно, со времен бернской оккупа-

Олимпия Риттенер
(1862—1950).
Peter Collmer. Die besten
Jahre unseres Lebens.
C. 123

ции. Не было там того, что могло пробудить воображение, и чаще всего того, чем могли вдохновляться все жители.

Вот почему в XIX веке покидали родину, уезжали за счастьем, в обоих смыслах этого слова, за границу. Так было и с дядями со стороны отца О. Риттнер: Луис уехал, чтобы поселиться в Париже, Эмиль — в Хаддерсфильд (Великобритания) и Альберт — в Монтевидео.

Рост скорее низкий, тонкие и красивые черты лица, сверкающие карие глаза: так выглядела Олимпия в двадцать лет. Следует добавить, что она была образованна, талантлива в литературе, которую изучала в Невшателе, затем в Цюрихе, где была ученицей Евгения Рамбера³. Олимпия сохранила дружбу с этим известным преподавателем. Старшая из четырех детей, она поддерживала со своей семьей нежные отношения. После смерти своей матери в 1879 году Олимпия находилась в состоянии душевного расстройства. Она была глубоко привязана к родственникам по боковой линии родства: дядям, тетям и двоюродным братьям и сестрам.

В XIX веке было распространено следующее явление: девушки, хорошо образованные и воспитанные, но несчастливые, отправлялись за границу в качестве

Семья красноярского купца 1-й гильдии П. И. Кузнецова. 1860-е гг.

гувернанток в зажиточные семьи. То же самое произошло и с Олимпией Р[иттнер], которая уже путешествовала и говорила на многих языках, когда записывалась в женеvскую контору по найму учителей за границу. Ее отправка зависела от Общества друзей.

— Куда вы желаете поехать, мадемуазель?

— Как можно дальше.

Таким образом, она будет принята на службу в самую богатую красноярскую семью, к Кузнецовым, известным владельцам золотых приисков на огромных территориях.

П.И. Кузнецов — купец-золотопромышленник, отец А. П. Кузнецова (1818—1878).
Начало XX в.

Обычно поездки учительниц за границу были хорошо организованы. Они выезжали с рекомендациями, но могли произойти и неожиданные обстоятельства. Хотелось кратко изложить затруднения, испытанные Олимпией в день приезда в Петербург во время зачисления на службу. Ввиду того, что она по собственному желанию умалчивает в своем дневнике об этих неприятных обстоятельствах, мы сошлемся на несколько отрывков из писем, которые свидетельствуют об этом. Мы уточняем, что речь идет об отправке из Петербурга и что сибирские письма, по всей вероятности, будут напечатаны только в последующих номерах пайернской газеты «Демократ».

По прибытии в этот город Олимпию встречает петербуржец г[осподин] Кузнецов⁴, брат г[осподина] К[узнецова]⁵ из Красноярска. Она несколько дней живет в гостинице, «приличной, за исключением клопов»!

Из-за отсутствия г[осподина] Кузнецова из Красноярска договор будет подписан после неоднократных утомительных обсуждений в присутствии нотариуса между

Выпускники Санкт-Петербургского Императорского университета.
В четвертом ряду третий слева — Л. П. Кузнецов. 1884 г.

молодым господином Кузнецовым и мадемуазель О. Риттенер.

Швейцарец из Петербурга г[осподин] Н. и вице-консул взяли под свою защиту Олимпию и полностью принялись оказывать ей содействие.

Мы увидим по упомянутым письмам, как вырисовывается характер нашей молодой путешественницы и ее манера принимать комплименты и мелкие хлопоты, без сомнения возникающие при зачислении на службу учителей в Россию.

Цитируем: «...г[осподин] К[узнецов] мне вручит договор завтра или послезавтра, который пройдет через руки консула. Вице-консул обещает порекомендовать меня консулу и заставит г[осподина] Кузнецова ясно объясниться. Если он внушает недоверие, я его покидаю и прилагаю все средства, чтобы найти что-нибудь другое. К счастью, у меня еще есть деньги. Я спокойна и хладнокровна, жду события без боязни. Вице-консул говорил, что агентство учителей иногда определяет на службу девушек по договорам, которые являлись лишь ни больше ни меньше „бесполезными чеками“; лучше ничего, говорил он. Если дела пойдут своим чередом, то я уезжаю в субботу в Красно-

ярск, проживем — увидим, но я надеюсь. По натуре я — бездельница. В период легкой жизни я ничего не делаю. Чем больше трудностей приходят ко мне, тем больше я проявляю характер. Впрочем, прибыв вчера, у меня уже появились друзья и поддержка».

«Г[осподин] К[узнецов] мне сказал, что поездка в Красноярск неприятна. „Я знал двух швейцарских гувернанток, — сказал он мне, — одна ныне вышла замуж там, другая тоже замужняя, обе плакали в дороге!..“ Г[осподин] К[узнецов] меня предупредил, что если я поеду в Си-

Лев Петрович Кузнецов (1858—1886).
Красноярск. 1880-е гг.

Александр Петрович Кузнецов (1848—1913). Санкт-Петербург. 1880-е гг.

бирь, то, вероятно, в скором времени меня не будут называть мадемуазель. „Достойных женщин там до такой степени мало, — сказал он мне, — что они сразу же находят себе женихов. Я сам из Сибири и об этом говорю по собственному опыту!“»

Цитируем другое письмо, адресованное семье из Петербурга (канал Мойка, отель де Франс):

«Я надеюсь, что папа вам сообщит о моем длительном запутанном путешествии, и вы поймете, что ваша маленькая племянница не оказывалась в затруднительном положении благодаря хладнокровию, хотя были и некоторые моменты слабости. Благодаря моим превосходным землякам, которые для меня стали друзьями, я устроена. Правда, что г[осподин] К[узнецов] отсюда не может взять на себя подписание договора окончательно. Но он сделал следующее: оплатил мне дорогу от Пайерна до Красноярска и от Красноярска до Петербурга (300 рублей за дорогу и плюс 200 рублей на возмещение убытков в том случае, если его брат откажется ратифицировать упомянутый договор). „Он этого и не сделает“, — замечает г[осподин] К[узнецов] с улыбкой. Впрочем, он очень любезен, этот

г[осподин] К[узнецов], и вызывает доверие у моих друзей. Все это только мера предосторожности. Итак, на следующий день в два часа договор подписан при свидетеле (наш консул) у нотариуса между г[осподином] К[узнецовым], двадцати восьми лет, с одной стороны, и мадемуазель Р[иттнер], двадцати одного года, с другой стороны; это не брачный договор, а контракт об изгнании».

«Я только что провела два вечера у г[осподина] и г[оспожи] Н. в нескольких шагах от отеля, их адрес я нашла в памятной книжке Общества друзей. Дружеский и сердечный прием согрел сердце в чужой стране...»

Наконец отъезд в Сибирь произошёл без промедления.

При посредстве бывшего учителя рассказ о путешествии через Россию и Сибирь был опубликован в пайернском «Демократе» в следующем году с сентября по ноябрь 1884 [года].

Сто лет спустя у меня появился шанс отыскать этот рассказ, и захотелось поделиться с друзьями за неимением более широкой аудитории...

Предоставляем эти страницы как документ, как взгляд на вчерашний мир.

Шарлотта Германн

УЕЗЖАЯ В СИБИРЬ!

*Путешествие молодой
жительницы из Пайерна*

Двадцать пятого августа тысяча восемьсот восемьдесят третьего года между десятью и одиннадцатью часами утра я села в поезд из Фрейбурга...

Рано утром я прибыла во Франкфурт. Воспользовалась тремя свободными часами для небольшой прогулки по городу, направляясь всегда прямо из страха заблудиться, до отправки поезда в Берлин.

Погода замечательная, город очаровательного спокойствия в этот утренний час. Я присела на берег Майна, мечтая, глядя на воду, которая сверкала у моих ног. Было кое-что, что меня тронуло в тишине этого чудесного вос-

кресенья. Итак, я опять отправилась гулять, чтобы развлечься.

Несколько больших красивых магазинов были уже открыты. Я с любопытством рассматривала витрины, как настоящая провинциалка; цветочные магазины меня особенно заинтересовали. Я еще никогда не видала такого изобилия цветков столь свежих и таких ослепительных цветов!

Я хотела бы увидеть памятники изобретателям типографии, а особенно Гете, но я не знала, где они находятся.

По счастливой случайности они оказались на моем пути.

Памятник изобретателям типографского дела — величествен: четыре музы, которые его украшают, несмотря на их серьезное и задумчивое выражение, оживлялись в тот момент, когда маленькие птицы щебетали то на голове одной музы, то на плече другой либо в складках их одежды.

Памятник Гете меня заинтересовал больше, чем памятник Гуттенбергу и его компаньонам, так как я о них ничего не знала, за исключением важности их открытий.

В то время как Гете для меня являлся самым великим олицетворением гения Германии. Я робко подняла глаза к этой величественной фигуре, взгляд которой я старалась уловить. Взгляд, казался, властвует над людьми и событиями, и я почувствовала себя сильнее.

На протяжении пути из Франкфурта в Берлин я была совсем одна в купе. Все это навеяло на меня чувство грусти.

После обеда того же дня я пересекала Саксонскую Швейцарию, еще свежую и очаровательную в уборе конца лета. Стада, спокойно пасущиеся на лугах, мне напомнили красивые горы родной страны, среди которых я только что провела несколько недель.

Это воспоминание вызывало у меня такое чувство печали, что я отвела глаза и на протяжении нескольких часов больше не осмеливалась взглянуть в окно. Итак, чтобы отвлечься от горьких мыслей, я начала жадно читать.

Я покинула Берлин около одиннадцати часов вечера, где останавливалась ненадолго. На следующий день в четыре часа после полудня наш поезд остановился на русской границе.

Таможенники с такой грозной репутацией едва осмотрели мой багаж. Они даже не взглянули на мои книги. Меня огорчило то, что я добровольно лишила себя, опасаясь цензуры, нужных произведений.

На железнодорожном переезде не было ничего стоящего, на что можно было посмотреть. Вскоре, впрочем, наступила ночь (третья ночь моего путешествия). Я не могла уснуть и смотрела в окно, вспоминая о родине, о любимейших родных, о друзьях и подругах, которых я только что покинула, может быть, навсегда. Мои глаза были влажными от слез.

Небо было серое и облачное. Дул ветер. Перед моими глазами простилалась огромная унылая степь. Мне казалось, что я одна в этом огромном, огромном мире.

На следующий день, четвертый день моего отъезда, я прибыла в Петербург. Было шесть часов вечера. Я провела пять дней в этом городе, в отеле де Франс. К сожалению, я не смогла в полной мере воспользоваться случаем, который мне представился, чтобы увидеть Петербург, так как я не отважилась прогуляться одной по широким и великолепным улицам этой огромной метрополии, зани-

мающей четвертое место в Европе по населению. Я была охвачена чувством ужаса, глядя на многочисленные экипажи, которых я едва ли могла бы избежать, и ошеломлена, как провинциалка, звуками иностранного языка, надписями варварского характера над магазинами и восточным колоритом, доминирующим в центре этой европейской цивилизации.

Наконец, я решила посетить несколько красивых кварталов Петербурга. Так как Невский проспект, между прочим, был прямо передо мной, я не боялась потеряться. Я увидела Эрмитаж, Зимний Дворец и несколько других значимых зданий, к сожалению, только снаружи, так как они были закрыты в это время года. Я побродила по ровным берегам Невы, на которых стояли лодки разных типов. Была потрясена, не без основания, одним из чудесных заходов солнца, которые так прекрасно описал Жозеф де Местр⁶ в своем произведении «Летние ночи в Петербурге». Несколькими днями раньше я вспомнила случайно один отрывок и вскрикнула от удивления, увидав, как подтвердились мои впечатления. Вы знаете, без со-

мнения, это очаровательные страницы. Но, однако же, я не могу не процитировать вам несколько строк:

«В умеренных широтах солнце устремляется на запад, оставляя за собой только мимолетные сумерки. Оно медленно касается земли, от которой, кажется, неохотно отделяется его диск, окруженный красноватым ореолом, крутится как пламенный шар на фоне темного леса, украшая горизонт. Его отражающиеся лучи на витражах дворцов наводят на мысль о пожаре».

Я была восхищена грандиозной Александровской колонной⁷, а также памятником, имеющим большую историческую ценность, воздвигнутым Екатериной II Петру Великому. Я очень долго его рассматривала. Этот ансамбль — как урок истории. Петр на необузданном скакуне, который давит ужасную змею. Он вытягивает руку, как властелин. Его взгляд глубокий, но крайне высокомерный и твердый. Все это производит неизгладимое впечатление. Невольно я начинаю сравнивать эту статую со статуей Гете. Все же какое различие! Оба внушительны, но один — олицетворение, прежде всего, власти деспотизма. Люди боятся быть свергнутыми этой грозной

рукой. Другой представляет собой великого человека с единственной властью — властью своего таланта. Вместо того чтобы уклониться от его взгляда, поднимают глаза к нему с чувством глубокого и робкого благоговения.

О религии и обрядах русских, которые здесь наблюдаются.

Гуляя по Невскому проспекту, я заметила Казанский собор, вход которого наполовину скрыт за большим перистилем. Мне пришла в голову ребячья мысль: измерить его величественные колонны моим маленьким ростом. От идеи к делу. Только один шаг до ее исполнения. Я дошла до площади, где находилось беспорядочное нагромождение колонн, между которыми помещены статуи святых. Мне казалось, что они свидетельствуют, прежде всего, о большой физической силе.

Собор открыт. Я тотчас туда вошла. Меня удивило то, что для такого большого города каждый мог туда заходить и выходить почти как к себе домой. Я вошла туда без особой робости. Дворники исполняли свою работу с самым похвальным усердием, иногда слегка толкая верующих в сторону, чтобы смести пыль, которая находилась

под их ногами. Женщина тихо сидела на выступе колонны с ребенком у груди. Господин возле выхода говорил комплименты двум женщинам. Я об этом догадалась по выражению их лиц. Больше ничего не было интересного. Итак, я вышла немного шокированная увиденным.

Я собиралась пересечь улицу, но меня заинтересовало странное зрелище: передо мной двухэтажная конка⁸, колонна экипажей и пешеходов, следовавших друг за другом. Все люди были вовлечены в единовременное движение, без исключения. Я прошла пред их взглядами и заметила в двух шагах от себя, справа, часовню, внутреннее убранство которой было видно с улицы и в которой три священника совершали богослужение. Я остановилась у входа, ослепленная прежде всего сиянием восковых свеч, золотом, серебром и драгоценных камней; ими сверкало убранство этой церкви (здесь должны находиться, если я правильно поняла, преподобные мощи какого-то святого). Какое богатство! Какое изобилие! Это радует глаз, но не трогает душу. На изображениях святых видно только лицо, мрачное лицо с обыкновенными чертами, без выразительности. Остаток изображения исчезает в зо-

лотом сиянии. Это вид изображения, известный под названием «икона»; они имеются повсюду в России, и в этом отличие их от другой религии. В очень набожных семьях иконы — в каждой комнате, и перед ними постоянно зажигают маленькую масляную лампадку. В домах у менее набожных людей ее зажигают регулярно по воскресеньям и праздничным дням. Свет от лампы такой мягкий и приятный, что мне кажется, что я лучше засыпаю, когда светит моя маленькая лампа в нише...

Но оставим в стороне одновременно и иконы, и Петербург, который не очень интересен в августе. Впрочем, вы, несомненно, спешите осмотреть со мной места менее знакомые.

Я покинула Петербург второго сентября, в полдень, в сопровождении старой женщины, говорящей только на русском языке, и горничной, которая следовала за нами, но в третьем классе. Вы видите в этом забавную сторону ситуации!

Погода была замечательная. На протяжении пути не было ничего примечательного. Однако я с наслаждением смотрела на лес, который прилегал к дороге. Листва

деревьев уже представляла богатую гамму цветов и оттенков, что было характерным признаком осени. Здесь и там кустики грациозно выпускали красные кисти ягод на фоне елей. Иногда мы проезжали мимо полей, на которых росли зерновые. Это было время жатвы! Крестьяне образовывали пестрые и красочные группы, находящиеся на некотором расстоянии друг от друга. Улыбающееся солнце мира оживляло весь пейзаж.

Через двадцать четыре часа я прибыла в Москву. В течение часа я миновала в экипаже множество улиц, добираясь от одной станции к другой. Я проехала недалеко от Кремля. У меня не было времени, чтобы более отчетливо его рассмотреть. Московские улицы имеют ясно выраженную неправильную форму, большинство из них немощеные, построенные без вкуса. Красивые здания затмеваются другими, весьма невзрачными. Пыль — невыносимая. Такое, по меньшей мере, первое впечатление производит этот город. Те, у кого был случай его посетить, очевидно, находят его интересным.

На следующий день рано утром (четвертого сентября) мы прибыли в Нижний Новгород. Мне казалось, что это

уже больше не Европа. Толпа, состоящая из всех лиц национальностей Востока; телеги, спешащие одна за другой; оглушительные крики глашатаев; пыль; тошнотворные запахи, распространяющиеся в воздухе; абсолютно восточный характер этого города и местность, которая его окружает, — все это меня потрясло и утомило. Я не осмелилась бы выйти из повозки из боязни быть тотчас истоптанной ногами. Я ограничилась тем, что бросила любопытный взгляд внутрь низких лавок невзрачного вида, которые располагались одна за другой. Я увидела большое количество славян, татар, также несколько персов. Но, к моему сожалению, я не заметила ни одного китайца или другого типа не менее экзотичного, поскольку их присутствие реже на большой ярмарке, чем обычно утверждают. Вдоль дороги, до дебаркадера, я восхищалась самой великолепной выставкой фруктов, которых я когда-либо видала: дыни, арбузы, виноград, яблоки, груши, орехи — все это было привезено пароходом из Астрахани и продавалось по очень низким ценам.

Наконец, я увидела Волгу, очень широкую реку с иловатой водой, которая, однако, сверкала под теплыми лу-

чами солнца. В один из этапов своего путешествия я села на палубу нашего очень комфортабельного парохода и начала рассматривать с нескрываемым удивлением этот город. Город с фантастическими зданиями с зелеными, красными и белыми крышами, как после первого снега, город с церквями, часто похожими на мечети с их разноцветными куполами, выделяющимися над другими зданиями. Эти кричащие цвета вовсе не произвели на меня дурное впечатление; эффект очарования новизны, но я полагаю, что, в конце концов, они должны утомить взор.

По реке спешили пароходы и лодки в большом количестве, груженные фруктами, в частности арбузами, сопровождаемые женщинами или мужчинами с длинными и густыми волосами в ярко-красных блузках, свободно сидящих на их крепких телах. Я забавлялась тем, что рассматривала на некотором расстоянии от нас группу женщин с высоко подобранными юбками, стирающих белье и болтающих на зависть прачкам из Европы!

На наш пароход погрузили сотни, я бы сказала, миллионы арбузов. У меня была возможность бесплатно дивиться настоящим подвигам татар и славян. Они, стоя

в своих маленьких лодках, постоянно оживленные, бросали тяжелейшие арбузы на высоту в несколько метров прямо на нашу палубу, где люди их ловили мимоходом с такой ловкостью, что ни один арбуз не выскользнул ни у тех, ни у других...

Одним из моих любимых развлечений было рассматривать то, что происходило на нижней палубе. Я там иногда замечала любопытные сцены семейной жизни народов этих местностей. Например, молодая женщина-татарка в ситцевом платье с крупными узорами ласкает своего супруга. Она у него отнимает, шутя, его меховую шапку и грязную шелковую тюбетейку, которую татары носят постоянно на своей бритой голове. Женщина рассматривает с любовным интересом внутреннюю часть этого головного убора. Вдруг ее взгляд падает на что-то, что ее забавляет. Она начинает смеяться, передает тюбетейку своему господину и хозяину, который также смеется. И вот они оба весело принялись работать пальцами внутри упомянутой вещи... Я скромно отвернулась... Наконец, тюбетейка вновь заняла место на голове достойного владельца, и нежности закончились на этот день.

Пермь, куда мы высадились восьмого сентября, располагается на достаточно обрывистых берегах реки Камы. Было очень жарко, так жарко, что я почти почувствовала головокружение. Правда, в этот день на мне было достаточно толстое льняное платье. Почва этих местностей — песчаная. У меня нет нужды говорить, что пыль здесь невыносимая, потому что после выезда из Москвы мы больше не встречали городов с мощеными улицами.

В магазинах Перми можно встретить самые разнообразные товары. Я совсем не ожидала увидеть в этих лавках царящий там порядок и чистоту. Городская пристань вовсе не выглядит дурно на закате солнца. Навигация во время летнего сезона немного оживляет этот мертвый город зимой.

Из Перми мы садимся на ночной поезд прямо до Екатеринбурга. Утром (девятого сентября) я заметила хребты невысоких холмов, о которых мне говорили, что это известные Уральские горы. К вечеру мы прибыли в Екатеринбург.

Город расположен на берегу маленькой реки. Он имеет довольно-таки хороший вид издалика, но это благоприятное впечатление стирается, когда находишься в центре го-

рода. Самые высокие дома — двухэтажные. Обычно они состоят только из одного этажа. Можно подумать, что дома построены для какого-нибудь лилипутского племени.

Город казался бы мертвым, если бы на улицах не встречались домашняя птица в изобилии и корова, щиплющая свободно сорную траву. Я слышала, что город, однако, оживляется зимой во время катания на санях и что в нем совсем нет общественной жизни, такой, которую я знала. Я не могла себе представить, что этот город мог иметь на самом деле серьезное торговое значение, пока не увидела его положение на русско-сибирской границе.

Я была принята в семью милейшего господина Клерка из кантона Невшателе, учителя французского языка в гимназии, как ангела, упавшего прямо с неба. Для него у меня было рекомендательное письмо.

На следующий день после моего приезда я покидаю Екатеринбург (десятого сентября), именно с этого момента для меня начинается настоящая жизнь бродячей цыганки.

Мои две спутницы и я поднимаемся в тарантас. Представьте себе экипаж, состоящий из нечто вроде пайернской корзины для стирки белья, очень широкой и глубо-

кой, установленной на стволах молодых берез, связанных между собой с осями колес. Эти березовые стволы должны заменить отсутствующие рессоры. Они гибкие и прочные и, в случае поломки, легки для замены.

Богатые пассажиры едут в тарантасе, хорошо обитом подушками, в то время как их багаж следует за ними в другой повозке.

У моих спутниц и у меня нет так много вещей. Мы сваливаем на дно корзины вперемешку чемоданы и провизию в дорогу: хлеб, мясо, фрукты, кофе, чай, сахар и т. д. Покрываем их пучком травы, а затем поверх — тонким одеялом. Сидя на вершине этой искусственной горы, мы прислоняемся головой к капоту. Почти невозможно находиться в таком положении, удобнее — полулежа. Тем не менее совсем не удастся уклониться от ударов. Они такие частые и иногда такие сильные, что кажется, что у вас разрываются внутренности. Это еще терпимо в течение двух или трех дней. Сначала пассажиры находят это смешным и смеются. Затем они смеются принужденно и, в конце концов, перестают смеяться. На следующем этапе не могут дожидаться конца этого мучения.

Фото извозчика. Конец XIX в.

Из Екатеринбурга мы направляемся в Тюмень на тарантасе, арендованном на всю поездку. Мы едем день и ночь, и почти через каждые пять часов мы заезжаем на почтовую станцию, где меняем ямщика, трех лошадей, а также дугу (круто изогнутое разноцветное ярмо в виде подковы, которое устанавливают над головой средней лошади).

Наш ямщик на протяжении первых верст — парень высокий и толстощекий в интригующем костюме. Он одет в сапоги, шаровары и рубаху из перкаля. Высокий воротник рубахи, украшенный шестью маленькими блестящими пуговицами, доходит до ушей. Меня больше всего забавляет то, что этот ямщик с усами носит, как горничная, маленький белый передник, украшенный ненатуральным кружевом. Я нахожу это очаровательным, но совсем не представляю себе, что это имеет право на существование. Мне очень хотелось смеяться, но мои спутницы об этом вовсе не помышляли, и я сдержалась.

В пути мы встречаем вереницу эмигрантов, обозов и заключенных с выражением отчаяния на лице.

Обозы состоят от пятнадцати до пятидесяти повозок с товарами, тщательно укрытыми циновками, сплетенными из камыша. Обоз из десяти повозок сопровождается одним ямщиком. Этот человек спит, укачиваемый монотонным движением своей тележки, которую тащит одна лошадь, идущая всегда шагом. Самая большая часть моего багажа, порученная подобному обозу, задержалась в дороге на четыре месяца.

По ночам ставят зажженный фонарь на вершину каждой повозки. В первый раз, когда я увидела темной ночью вереницу фонарей, не различая очертаний, не слыша, впрочем, шума колес, не видя расстояния, я подумала, что подъехала к городу, освещенному лампами. Удивительно редкое явление в Сибири! Я уже размечталась съесть превосходный бифштекс, дать отдохнуть моей уставшей голове на белой подушке... Но какое наступает разочарование, когда так быстро рассеиваются иллюзии.

А мы, три несчастные женщины, путешествуем без фонарей и оружия. Со времен Абрама ими не пользовались, почему же тогда сегодня якобы берут их с собой в дорогу?

Зато колокольчики наших лошадей весело звенят в ночной тишине, и мы едем быстро.

На станциях мы выпиваем по стакану чая, перекусывая на скорую руку, как выражаются на родине в кантоне Во. Наше меню, разумеется, очень простое, так как мы должны везти все продукты с собой. Постоялый почтовый двор предоставляет только самовар, холодное молоко и редко свежие яйца.

В нашем экипаже ночью было очень холодно, но когда мы вошли в помещение постоялого двора, я буквально задохнулась от невыносимой жары, которая там царила. Это резкое повышение температуры делало счастливыми моих русских спутниц и согревало им души! Они, казалось, даруют мне настоящую милость, разрешая открыть окно.

Из Екатеринбурга через тридцать часов в тарантасе я прибываю на азиатскую границу, представляющую собой всего-навсего маленькую колонну из кирпича, разъеденную временем. На колонне с трудом различается императорский герб. Мы остановились на лесной поляне. Весь день шел дождь. Заходящее солнце бросало на еще влажную листву мягкие отблески загадочного света.

Вы не можете себе представить, что я испытывала в тишине этих уединенных мест. В этот торжественный момент я собиралась попрощаться с древней Европой и войти в Азию, которая мне долго казалась такой же далекой от моей страны, как сами небесные светила!

По-видимому, я на самом деле смущена, описывая вам тревожные впечатления этого момента: чувства сожаления и надежды, боязнь и уверенность. Именно уверенность вдохновляла меня на будущее. Но что особенно заставляло стучать сердце маленькой жительницы Пайерна, это — гордость! Какая она храбрая и сильная, чтобы оказаться так далеко от своей голубятни!

Вскоре после того, как мы пересекли границу, появилась обширная степь. Ничего больше не было видно, кроме низкой и желтой травы и редкого кустарника.

Телеграфные столбы, похожие на пугала, утопали в затуманенных лучах луны. Солнце никогда не светило так высоко над моей головой. Степь, необозримо ровная и без единого колыхания, похожа на спокойный океан. И я охотно представила бы себя заблудившимся моряком в каком-нибудь далеком море.

Мы проехали в тарантасе два дня и две ночи (понедельник и вторник, десятое и одиннадцатое сентября), а в среду, на рассвете дня, прибыли в Тюмень.

Город еще спал. Не найдя убежища, мы бойко вошли в какой-то караван-сарай. Гостиницы очень дорогие, несмотря на внешний вид (платят до десяти франков в день за номер). На востоке менее зажиточные пассажиры останавливаются в постоянных дворах с тремя или четырьмя работницами. Они устраиваются самостоятельно, принося с собой все необходимое для сна, за исключением матраса и дров. Что касается матраса, я такого еще не видала. У нас, вероятно, кладут подобные матрасы в собачьи будки.

На волжском пароходе, впрочем очень комфортабельном, у нас не было коек даже в первом классе. Дамы ложились в ряд друг за другом на длинную софу, стоящую вдоль стен вокруг зала. У кого были с собой простыни, могли благоразумно в них закутаться. Неопытные, как я, вынуждены были спать одетыми.

Прибыв в Тюмень, я устремила к общей умывальной чаше, расположенной в главном коридоре. Вы согла-

ситесь со мной, что такой метод умывания выгоден только для одного слуги. Я думаю, что в Швейцарии посчитали бы слишком примитивно умываться всем в одной и той же чаше. «На войне как на войне», — сказала я себе улыбаясь и окунула с наслаждением свое черное лицо, как лицо друга Манина, в общую умывальную чашу, которая все же была глубокой и имела много воды.

Я не знаю лучшего удовольствия, чем удовольствие умыться и причесаться после двухдневного путешествия в тарантасе. За время путешествия лицо покрывается слоем пыли, а волосы превращаются в настоящий тюфяк.

Умывшись в незабываемой чаше, увидев, что солнце еще не взошло, я упала на диван и вскоре заснула заслуженным сном, вспоминая о прекрасных днях, когда мы ходили на остров или на плато Мольера собирать траву. Проснувшись, я решила побродить по городу.

Тюмень выглядит как большая, вызывающая отвращение деревня. Все дома построены в одном стиле, и нужно быть очень внимательным, чтобы их отличить один от другого. Архитектура домов очень проста. Сруб дома строится из березовых стволов, распиленных в длину по-

полам почти под прямым углом, затем стволы кладут один на другой⁹. Щели между ними заполняют мхом и известковым раствором. Жители выпиливают пилой проемы для дверей и окон, выбирая места по своему желанию. Иногда сруб белят известью. Чаще всего довольствуются тем, что покрывают сверху жестяной крышей, покрашенной в зеленый цвет. А также устанавливают стекла в проемы, предназначенные для окон, и добавляют двери. И вот дом построен. Этот вид постройки прост, но очень надежен и является не самым плохим вариантом, который можно было бы предположить.

Хотя я всегда шла прямо, вскоре я заметила, что не могу найти свое жилище. Чтобы его узнать, я стала пристально вглядываться внутрь домов, к большому удивлению и почти страху честных людей. Наконец, окно на уровне земли, а в этих местах почти все окна находятся на таком уровне, открылось, и кто-то меня спросил, чего бы я хотела. Я неразборчиво ответила по-русски, краснея от страха до кончиков волос.

— Что вы хотите? — повторил по-немецки тот же голос, который мне показался тогда голосом ангела.

Я посмотрела на ангела. Это был мужчина от пятидесяти до шестидесяти лет, одетый в изношенную одежду, но очень чистую. Она была из ткани высокого качества.

Я оказалась перед лицом политического ссыльного, поляка, отправленного в Сибирь девятнадцать лет назад.

Какая находка для меня, находившейся всегда в поисках романтических приключений!

Мы начали приятно беседовать.

Прежде всего, г[осподин] К. был удивлен, увидев отважную девушку, рискнувшую приехать в Сибирь.

— Я приехала сюда не в качестве девушки, — быстро возразила я с улыбкой, — а в качестве любознательного путешественника и делового человека.

Это честное заявление позабавило его, и дало нам возможность чувствовать себя непринужденно. У него было много вопросов о том, что произошло в Европе, особенно в Польше. Я ему рассказала, насколько это было в моих силах, и в свою очередь принялась засыпать его вопросами. При каких обстоятельствах он приехал в Сибирь? Чем он занимался? Какие надежды на будущее? и т. д. Вот вкратце то, что я узнала.

Был вовлечен в последнюю польскую революцию¹⁰; после шестимесячного тюремного заключения его отправили в Сибирь. Однажды в Тюмени ему предложили выбрать себе местожительство по своему вкусу. Но выбранное его жилье было почти как тюрьма, так как люди, у которых он поселился, должны отвечать за него и строго следить за ним. Каждый вечер и каждое утро приходил жандарм, чтобы удостовериться в его присутствии.

Во время прогулок он не должен был покидать город и обязан возвращаться к себе в назначенный час. Впрочем, он не был принужден к подневольному труду, но должен заботиться сам о своем существовании.

Итак, шли годы! Постепенно надзор ослаб. Через десять лет он смог даже по желанию путешествовать по всей Сибири. Господин К. с лихвой воспользовался этой относительной свободой и выбирал по очереди местом жительства Тобольск, Томск, Красноярск и Иркутск. В конце концов, он окончательно поселился в Тюмени, так как этот город был самым близким городом к границе.

Пока ссыльный мне рассказывал детали своей жизни, я дышала время от времени на свои пальцы, чтобы их разогреть, так как воздух был весь пропитан ледяной влажностью. Северный ветер пронизывал меня до мозга костей, несмотря на зимнюю одежду. Я смотрела по очереди то на серое небо, то на грязную и мрачную улицу, то на бесконечную степь с редкими низкими деревьями. Я подумала, что эта «превосходная» написанная картина вызывает тоскливое настроение.

— Как вы здесь проводили время? — спросила я.

— Как? Это трудно сказать. Представьте себе, что должен испытывать молодой человек двадцати лет, вынужденный покинуть свою родину, родителей, друзей, учебу, свои развлечения для того, чтобы уединиться, живя в ужасном логовище, так как, примите к сведению, что Тюмень девятнадцать лет назад была более жалким и унылым зрелищем, чем ныне.

Я перестал переписываться с семьей, потому что вся корреспонденция проходила до меня через руки полиции и эти письма, полные слез, ранили мое сердце. И наконец,

я потерял всю надежду вновь увидеть свою Польшу и тех людей, которые мне дороги.

В первой половине моей ссылки месяцы мне показались длиннее, чем годы, а годы длиннее, чем столетия.

Я ждал помилования, но оно не приходило. В сердце молодого человека всегда есть надежда. В конце концов, я перестал надеяться и впал в самое глубокое безразличие.

В мае, во время коронации нового императора, я был помилован, но это неожиданное помилование, прибывшее столь поздно, оставило меня равнодушным...

Гимназия в Тюмени расположена в красивом здании, жалкое окружение которого подчеркивает его величие! Можно подумать, увидев его, что это одинокий великан посреди собрания гномов.

На главных улицах сибирских городов кое-где установлены уличные фонари. Я не верю в то, что их зажигают более двух или трех раз в год, а именно — на большие государственные праздники. Эти жалкие фонари бросают на прохожих такие мерцающие и такие тусклые лучи, что жалко на это смотреть!

Мы полагали, что в Тюмень поплывем на пароходе, но в связи с тем, что Тура (один из притоков Оби) была очень занесена песком, мы вынуждены были, мои спутницы и я, искать благоприятное место для судоходства севернее. Наконец, мы отправились на телеге (разновидность повозки для сена), так как дорога, по которой мы ехали, вовсе не проходила по почтовому пути и не было никакой возможности достать тарантас. Какая поездка, боже мой! И она продолжалась двадцать четыре часа!.. В течение этого времени мы поменяли пять или шесть раз лошадей, телеги и ямщиков.

Крестьяне, отдавая внаем лошадей и тележки, просили сумасшедшие деньги. Прежде чем отказать нам в своих услугах, они осыпали нас ругательствами и угрозами, окруженные и поддерживаемые своими дружками и жителями. Те, кто нас сопровождал в качестве кучеров, были не в лучшем расположении духа. Короче, я не слишком трусливая, но никогда так не боялась за собственную шкуру. Так продолжалось двадцать четыре замечательных часа...

Представьте себе, мой дорогой преподаватель, ситуацию: три несчастные женщины, стоящие в грязи по колено, дрожащие от холода и сырости, оказывают сопротивление, по крайней мере, двенадцати негодьям с ненормальным выражением лица, вам кричащим в ухо на иностранном языке. Я содрогаюсь, даже когда думаю об этом!!!

Наконец-то мы прибыли по назначению без происшествий.

Это, может быть, Вас немного огорчит, дорогой месье, но подумайте, с другой стороны. Если меня бы убили, Вы не читали бы сейчас рассказ о моем путешествии. И смогли бы Вы найти тогда какую-нибудь замену в прискорбном отсутствии моего трагического приключения.

Пятнадцатого сентября мы прибыли в бедную деревню и провели там сутки в жалкой лачуге, ожидая отъезда еженедельного парохода.

Мне чуть ли не стало плохо от воздуха в этой перегретой лачуге. Я хотела открыть окна, но их не было. Они были заколочены, однако одно маленькое узкое окошечко поддавалось под нажимом моей руки. Ожидая, что комната проветрится, я бросилась во двор на большой стог соломы,

прикрылась, насколько в моих силах, толстыми одеялами и открыла старый большой дождевой зонт над головой. Укаченная северным ветром и шумом мелкого дождя, я глубоко заснула и проснулась, что неудивительно, с чудовищным насморком.

Ночью мы побросали свои пальто на пол и улеглись на них, не спрашивая о матрасе!..

Крупная женщина, которую я легко приняла бы за переодетого крепкого парня, нас обслуживала. Закончив свои дела, она вытянулась на печи рядом с нами.

На следующий день я детально изучила этот дом. Я заметила, что входная дверь закрывалась совсем просто с помощью подвижного крючка, держащегося в железном кольце. Эта система простого запираения используется не только в хижинах, но и в большей части частных домов и постоянных дворах в Сибири.

В глубине того же коридора, где я впервые рассматривала входные сибирские двери, я увидела большой занавес, вроде тех, которые вешают у нас между двумя гостиными (с разницей, однако, в количестве гостиных), и была удивлена. Я подняла его с любопытством. За занавесом

находился не будуар, а... хлев. Хорошее средство для сохранения тепла зимой! Уровень коридора выше, чем уровень хлева. Туда спускаются не по лестничным ступенькам и не по приставной лестнице, а очень просто по стволу дерева, в котором выдолблены топором несколько ступенек. Я позабавилась тем, что спустилась в хлев и поднялась с помощью этого опасного спуска.

Мы провели тридцать часов в сельском доме. Измученная бесчисленным множеством насекомых разных видов, я поднялась на пароход (шестнадцатого сентября), который должен нас увезти дальше!

Сначала мы проплыли по Туре, затем по Тоболу и Иртышу в северном направлении до того места, где Иртыш впадает в Обь. Наконец, мы спустились в Обь и проплыли до места, где впадает один из ее притоков Томь, недалеко от города Томска.

Мы прибыли в Тобольск к одиннадцати часам вечера (семнадцатого сентября). Шел снег, дул с яростью северный ветер. В этот поздний час я не могла посетить город, впрочем, мы лишь коснулись песчаной мели. С палубы па-

рохода я заметила совсем рядом с портом несколько зданий довольно хорошего вида.

На палубе было много солдат. Вскоре я поняла причину их присутствия, увидев тридцать заключенных, выходящих из междупалубного пространства. Эти несчастные в скором времени проследовали один за другим передо мной: мешок на спине, цепь на ногах, одеты в грубый полушерстяной дорожный плащ коричневого цвета. Они отличались от других ужасным выражением лица: настоящие уголовники. Эта сцена в поздний час, в зимнюю бурю, под яркими и холодными лучами луны — пожалуй, самая фантастическая вещь, которую я когда-либо видала в своей жизни.

Однако совсем не следовало бы думать, что Тобольск заселен только каторжниками. Молодая пара из этого города прибыла на пароход посетить друзей. Молодые, красивые, элегантные, горделивые — храбрые люди из провинции. Они поразительно контрастировали с моими спутниками. Молодая женщина, одаренная великолепным талантом, известная под именем «Жемчужина Тобольска».

Начиная с замечательного понедельника (семнадцатого сентября) мы приятно плыли, не приставая к какому-нибудь крупному населенному пункту.

Иногда меня привлекало странное зрелище, происходящее по ночам, когда пароход останавливался для пополнения запаса дров. Именно в этой единственной стране в качестве топлива в паровых машинах пароходов используются дрова.

Берег, всегда песчаный, становится достаточно обрывистым из-за площадки. Внезапно он освещается огромными кострами. Славяне и татары в необычных одеждах бегают во все стороны, неся на плечах колы (обманчивое сходство с копьем), которые скреплены друг с другом, образуя нечто вроде носилок для погрузки дров.

Во время погрузки пассажиры обычно пользовались случаем немного прогуляться по берегу.

Среди пассажиров и прибрежных жителей особенно выделялся поп высокого роста с мощными плечами. Простая ряса священника коричнево-оранжевого цвета, развивающиеся серые волосы, длинная борода, падающая на грудь, — все это придавало ему вид почтенного старца.

Эта картина, освещенная пылающим пламенем костров и факелов, отличалась фантастическим образом от остального пейзажа, затерянного в темной воде и темном небе. Иногда я представляла себе, что нахожусь на каких-нибудь дьявольских сатурналиях. Когда мое воображение иссякало, я вздыхала: «Боже мой! Как далеко отсюда Швейцария!»

Когда мы начали плыть южнее, температура смягчилась. Можно было посидеть на палубе, не боясь простудиться. Иногда я выходила на палубу, чтобы посидеть поздно вечером среди спящих пассажиров третьего класса, несчастных бедняков, вынужденных проводить ночь под открытым небом. Я наслаждалась свежим ветерком, наблюдая лунный свет, который сверкал на широких и грязных волнах реки. Грустная и безмятежная картина!

Вечером, когда я наблюдала игру волн со спокойным чувством безопасности, кто-то мне сказал, что в прибрежных районах, где мы находились, затонул пароход пятнадцать дней назад. Никто не мог спастись. Не могли найти следов ни пассажиров, ни парохода. Этой роковой драмы свидетелем была только ночь, тихая и светлая, как эта, ко-

торой я восхищалась в данный момент. Вы можете себе представить, как от этого меня бросило в дрожь!..

Двадцать второго сентября утром, в то время когда запасались дровами, я сошла на берег с несколькими спутниками. Мы пошли посетить маленькое племя остяков, живущих в районе Оби. Это — финская ветвь, склонная все больше и больше к исчезновению.

Это племя живет в пустынном месте, покрытом только камышами, густыми кустарниками и крапивой, так как остяки не имеют ни малейшего понятия об архитектуре. Они живут только охотой и рыбалкой. Амбары строятся на сваях в двух или трех метрах от земли для того, чтобы их запасы не испортились из-за вышедшей из берегов воды. Сами они этого не опасаются, так как живут в хижинах, наполовину закопанных в землю, имеющих форму огромного холма. Эти жилища покрыты снаружи переплетенными ветками деревьев, травой и землей. Летние жилища — симметрично разрезанными кусками бересты.

Внутреннее убранство похоже на обстановку очень простых шале, которые можно встретить в Швейцарии

в высокогорье и которые служат убежищами для пастухов и стад. Широкий ствол дерева, в котором вырезано отверстие у основания, служит очагом. Мне не удалось посмотреть, как внутренняя часть ствола, которая служит тиглем, обкладывается, чтобы не случился пожар.

Очень низкая печь для выпечки хлеба вовсе не заканчивается трубой. Да, эти храбрые остяки могут запросто прокоптиться во время приготовления пищи.

Очень удобно стоять в центре хижины, так как она построена, как я слышала, в форме пирамиды, но нужно сгибаться вдвое, чтобы в нее войти. В нее проникает свет только через входную дверь.

Я была удивлена, найдя сносный порядок и чистоту в этой лачужке. Возле очага находилась метла, которая, судя по ее развалившемуся виду, должна была очень часто и долго использоваться.

Остяки ростом ниже среднего, черты лица — тяжелые, очень маленькие серые глаза. Ко всему этому — общее выражение добродушия, которое приятно видеть на лицах дикарей.

Один из них, к моему большому развлечению, принялся строить мне глазки, снял с меня меховую шапку, снисходительно посмотрел на нее, затем спокойно вернул на мою голову. Потом он вырвал из моих рук немецкую книгу и сделал вид, что ее читает. Я старалась изо всех сил заставить его понять, что он, возможно, вряд ли поймет этот текст на иностранном языке. Это простодушие заставило смеяться от чистого сердца людей, которые окружали меня. Неужели я могла себе представить, что этот Робин Гуд смог бы читать на каком-нибудь языке! Маленькие дети этого племени знают только финский язык. Их родители учат русский благодаря ежедневным знакомствам с командами пароходов, которым они доставляют дрова, дичь и часто соленую или свежую рыбу. Я их видала, продающих одну рыбу за десять сантимов; у нас, возможно, платят за нее один франк.

Я очень удивилась легкости саней (около десяти фунтов). Зимой их тащат собаки. Сани устроены так, что в них могут поместиться два человека. Один управляет впереди, другой, по сути, спит. Их одноместные лодки удлиненной

формы режутся из куска дерева. Они летят по воде со скоростью стрелы.

Остяки ловят рыбу на крючки и пользуются сетями, а светлыми ночами — вилами¹¹.

Они охотятся с маленькими ружьями, которыми не только убивают небольшую дичь, но и медведей.

Я заметила в хижине два чучела красивых диких гусей, грубо набитых соломой. Я подумала с изумлением: а может, остяки намеревались создать музей естественной истории! Но нет, остяки не так эрудированны, но зато хорошие знатоки охотничьих хитростей. Они опускают чучела гусей на воду для того, чтобы заманить живых гусей, которые, ничего не остерегаясь, дают поймать себя охотнику. Я видала почти все эти вещи у лопарей¹² в Цюрихе, нечто вроде человеческого зверинца, но этим несчастным не хватало воздуха в среде нашей прекрасной цивилизации. Я испытала истинное удовольствие, рассматривая свободно живущих остяков на своей родине.

Ценные сведения для гурманов: на пароходах, идущих по Волге и Оби, кормят очень хорошо. Меню содержит,

по крайней мере, двенадцать различных блюд, вы только должны выбрать... и я выбирала.

Мне предлагали очень нежного молодого цыпленка, гусиное филе, крыло индюшки. Все это вызывало у меня жалостливую улыбку, как у цапли в присутствии пескаря!

Я предпочитала питаться только вальдшнепами, куропатками, рябчиками, тетеревами, жареным осетром или стерлядью, царской рыбой. На завтрак я съедала большие бутерброды с икрой.

На гарнир к этим вкусным блюдам надо было довольствоваться, и это так, куском черствого хлеба, так как русские в пути едят только свой собственный хлеб. Повар не утруждает себя его выпечкой. Во время поездки он выпекает только одну полную печь хлеба.

Если вкусная и недорогая еда доставила бы наслаждения, я в этом не сомневаюсь, какому-нибудь бедняку-эпикурейцу, любопытно, как бы он нашел ночлег.

Каюта для дам и, естественно, каюта для мужчин тоже такая тесная, что даже для одного стула не нашлось бы места. Мы спали там вшестером. Когда нужно было одеться

и раздеться, даже один человек мог с трудом двигаться. Другие пятеро должны стоять совершенно неподвижно.

Итак, пассажиры там набиты битком, как сельди в бочке!

Что касается пассажиров, я была в самых прекрасных дружеских отношениях со всеми как на пароходе на Волге, так и на сибирском пароходе «Эмигрант».

На борту быстро знакомишься. Чтобы меня каждый понимал, я была вынуждена пользоваться четырьмя или пятью различными языками: французским, немецким, английским, польским и русским; лучше, чем ничего! Что касается русского, я с трудом бормотала на нем.

Из интересных пассажиров на пароходе находилась мадам С. из Томска, муж которой выделил около миллиона на благотворительные дела.

Сама мадам С. основала приют. В настоящее время она содержит там пятьдесят пять девочек на свои средства.

Мадам С. — очень простодушный, непринужденный и добродушный человек. Она возвращалась из Петербурга, где только что проиграла дело на сумму более миллиона франков.

Это происшествие не уменьшило ее веселости и не помешало ей вернуться из столицы с канарейками, собакой (помесь датского дога с другой породой дога) и с длиннохвостым ара, который нас оглушал криками.

Однако нужно добавить, что у мадам С. нет детей.

Мне также очень нравилось находиться в обществе священника, с которым я беседовала на более высокие темы, и его жены. Честные и умные люди мне напомнили о нескольких счастливых пастырских семьях, живущих за городом; их можно встретить и у нас.

После одиннадцати дней плавания (больше времени требуется, чтобы доехать до Америки), наконец, двадцать шестого сентября мы пристаем к берегу.

Томск, куда мы отправляемся в наемном экипаже, находится в семи верстах от пристани.

Я прощаюсь с Обью не без сожаления, так как мне понравились безлюдное пространство, ее широкие воды, извилистые очертания, лесистые берега, самое привлекательное разнообразие красок. В это время года еще наблюдается листва на деревьях. Этот не особенно красивый пейзаж имеет свое дикое очарование.

В Томске мы устраиваемся в караван-сарае.

Томск — торговый город, который мне не понравился, так как он расположен в очень однообразной местности, опасной для здоровья.

Рядом с нашим караван-сараям два китайца держат чайную лавку. Они прогуливаются важно под моими окнами: руки в карманах широких брюк, развевающаяся длинная черная коса до икр. Ввиду того, что в Пайерне почти не встретишь китайцев, я с большим любопытством рассматриваю своих соседей.

Китайцы, которых редко можно увидеть в сибирских городах, живут там холостяками. Китайские женщины не выезжают за границу Небесной империи. Где им, впрочем, было бы лучше?!

Случайно узнав, что учитель французского языка в томской гимназии швейцарец, я немедленно отправляюсь к нему. Настоящее удовольствие находится среди земляков на таком большом расстоянии от своей страны!

Г[осподин] Д. и его жена мне устраивают горячий прием. Они не устают слушать мои рассказы о родине.

Г[осподин] Д. утверждает, что Томск город отвратительный, где существует только три способа развлечений: 1. охота, 2. выпивка и 3. игра в карты. Дамы, естественно, лишены удовольствия под №№ 1 и 2, но совсем не лишены удовольствия № 3.

Хлебное вино, спирт играют большую роль в жизни сибирских городов, но может быть, меньше в Красноярске, чем в других населенных пунктах.

Я упорно не хотела верить до определенного дня, что можно выпить спирт. Когда я почувствовала озноб в тарантасе, одна из моих спутниц заставила меня выпить небольшую рюмку этой странной жидкости. Мой рассудок не стал от этого мутнее, чем если бы я выпила чистой воды. Нужно, однако, признаться, что я не старалась повторить этот эксперимент.

Г[осподин] Д. немного напугал меня, рассказывая о многочисленных преступлениях, которые совершают заключенные, хотя они находятся под хорошим надзором.

Это нам не мешает вновь отправиться в дорогу в тарантасе без оружия и фонаря.

Я качалась вместе с тарантасом справа налево, сверху вниз, как легкий тюк с товаром. Вскоре я заснула глубоким сном, убаюканная сильной качкой.

В середине ночи меня отчасти разбудил разговор между одной из моих спутниц и кучером. Тон их разговора — взволнованный!!! Я приоткрываю глаза и смотрю вокруг себя. Мы находимся в густом лесу, ни одной звезды на небе. Здесь можно было бы броситься на лошадей и безнаказанно потребовать с угрозой: «Кошелек или жизнь». Я немного подумала об этом, но, онемевшая ото сна, главная моя забота была натянуть влажную вуаль до подбородка, так как колючий северный ветер дул мне прямо в лицо. Затем со вздохом облегчения я вновь падаю назад на подушки и вновь засыпаю.

О, удивительная сила сна в тарантасе! Только на рассвете я проснулась в широком дворе почтовой станции. В Сибири это — дом с большим прилегающим двором.

Торжественный въезд наших лошадей поставил на ноги сторожевых собак, которые начали яростно лаять. Петух принялся петть. Кто-то меня потянул за руку: «Олимпиада Юлиановна, выпейте чашечку чая». Я с тру-

дом отхожу от оцепенения и выхожу из тарантаса, окочевшая от холода и упоенная ото сна.

Наше путешествие продолжается без происшествий. Иногда мы выезжаем на берег реки; моста нет. Нам кажется, что нет возможности проехать дальше. Ну и! Если река не очень широкая, мы ее переходим вброд, лошади по грудь в воде. В противном случае мы ее переплываем на пароме — большой лодке. Паром поддерживает нечто вроде квадратного моста, где с лихвой размещаются две или три повозки.

Мы путешествуем в тарантасе семьи К[узнецовых]¹³, но ямщики и лошади предоставляются правительственной почтой.

У ямщиков нет специальной одежды. Они обычно одеты в шкуры зверей¹⁴. Ямщиков различают только по металлической пластинке с гербом короны на передней части шапки.

Есть также почтальоны, более удачливые, чем наши ямщики, которые несут службу не на ногах, а в маленьком возке.

Две дамы следуют за нами в почтовом тарантасе, который они вынуждены менять на каждой станции. Настоящее переселение, учитывая количество их тюков!

Обычный тарантас представляет собой настоящую повозку для сена, снабженную чем-то вроде откидного верха. Этот верх, ужас, низкий, из твердого дерева; изготовлен таким образом, что при каждом толчке экипажа вы ударяетесь головой со всех сторон! Это своего рода пытка, похожая на те пытки, когда индейцы позволяли бледнолицым мучить себя. Я могу говорить вам об этом со знанием дела, так как, отправляясь из Тюмени на пароходную станцию, я испытала этот ужас в течение двадцати четырех часов.

На следующий день после моего отъезда из Томска мы проехали довольно большой город, где остановились на несколько минут.

Утомленная оттого, что не в состоянии нормально сесть в течение тридцати часов, так как при каждом ударе тарантаса я опрокидывалась назад самым ужасным образом, я испытала неопишуемое облегчение, встав на ноги и посмотрев на город с высоты моего экипажа.

Я была одета, как и положено в тарантасе: плохо сидящее платье, криво лежащая шаль, которая постоянно спадала в небрежные складки; галстук, который был белым, но за полчаса в тарантасе стал черным... почерневшее лицо от пыли; яркая косынка, купленная в какой-то ярмарочной палатке за тридцать пять сантимов, плохо скрывающая растрепанную голову. Мои спутницы также были малопрезентабельны, как и я. В Пайерне можно было бы принять нас за цыган, и зеваки толпились бы вокруг наших необычных экипажей. В сибирских городах люди привыкли к подобному зрелищу и не боятся.

После короткой остановки мы вновь отправились в дорогу в этот же день.

Через несколько часов мне показалось, что на горизонте появились цепи достаточно высоких холмов. Сначала я подумала об оптическом эффекте, который появляется благодаря сумеркам, но на следующее утро (третий день после нашего отъезда из Томска) холмы вновь отчетливо вырисовались.

Дорога проходила через бесконечный лес. Подъемы и спуски, следовавшие один за другим без конца, по-

сле бесконечных равнин, которые мы только что пересекли, заставляли прыгать мое сердце от радости. Хотя я, естественно, страдала больше, чем когда-либо, на земле от качки.

Эти сплошные лесные пространства, горный пейзаж мне особенно нравились; впрочем, мы приближались к цели нашего длинного путешествия. Только двадцать четыре часа нас отделяли от Красноярска.

Я ощутила эпикурейское наслаждение после чашки горячего бульона и съеденного бифштекса. Я, которая в течение трех дней питалась сухим хлебом и замороженным молоком, хранившимся в керамических кувшинах! Наконец я буду снова спать в кровати, впервые за месяц! Конечно, такой образ жизни имел свое очарование, однако, если бы мне сказали, что наше путешествие продлится несколько недель, я охотно бы приняла решение поехать, при условии — не проводить все время в тарантасе, так как я этим вполне сыта.

Ямщик нам говорит, что в лесу, который мы проезжали, нет недостатка в медведях и волках и что достаточно часто они выходят прямо на дорогу порезвиться. Может

быть, эти господа не были в хорошем расположении духа именно в эти дни. В любом случае, даже широко раскрыв глаза, мне не удалось увидеть ни одного зверя.

Утром на четвертый день после отъезда из Томска мы немного привели себя в порядок на последней почтовой станции перед Красноярском.

Мы остановились в постоялом дворе, но, к сожалению, цена — также на вес золота. У нас не было возможности найти умывальную чашу. Кто-то мне предложил налить воды в ладонки, и я, таким образом, кое-как умылась, как большой кот, умывающийся лапами. Самый неприятный момент был тогда, когда я пыталась расчесаться, точнее, прочесать свои волосы, которые были в жалком состоянии во всех отношениях.

В течение месяца мне пришлось избавляться от некоторых докучливых жильцов, но от которых невозможно оградить себя во время подобного путешествия...

Наконец, мы снова катимся по красноярской дороге. В течение ночи были заморозки; безоблачное небо; солнце сияло в небе; одним словом, замечательный день конца осени или начала зимы.

Мы ехали через лес крупной рысью. Медведи и волки упорно не появлялись, несмотря на задорные щелканья кнута нашего проводника.

В одиннадцать часов утра с вершины холма я рассматривала город Красноярск. Купола его церквей величественно возвышались к светлому небу. Местность казалась праздничной благодаря этому красивому утру.

Красноярск!.. наконец или уже, я не знала, что сказать, так как в течение такого длинного путешествия теряется представление о времени. А все-таки, произнося имя этого города на все четыре стороны, я невольно сравнила себя с первыми крестоносцами, прибывающими в Палестину с криками: «Иерусалим! Иерусалим!»

Второе октября. Я путешествовала месяц день в день, начиная с моего отъезда из Петербурга.

* * *

Местность в районе Красноярска — живописна. Берега Енисея окаймлены цепью холмов, довольно высоких и очень неровных. Некоторые вершины этих холмов имеют пологие спуски с обработанной землей. Другие

Общий вид на Красноярск с Караульной горы. 1890-е гг.

холмы — обрывистые, покрытые пихтой, представляют собой дикие ущелья. Их разнообразные формы возбуждают человеческую фантазию. Татары говорят, что одна из этих вершин (Такмак), высокая и округлой формы, похожа на гигантскую башню.

Енисей — широкая река с водой синего цвета. Именно цветом она отличается от Оби и Волги.

Окрестности Красноярска представляют интерес для туристов.

В миле отсюда находится монастырь. Дорога, которая туда идет вдоль реки, очень живописна, обрамлена с одной стороны обрывистыми скалами, круто спускается к Енисею.

Монастырь прост по стилю. Широкий двор, многочисленные подсобные помещения, очаровательное уединение — все это заставляет размышлять о средневековом монастыре.

Братья имеют большую свободу передвижения. Летом они сдают внаем несколько комнат городским жителям. Их нравы своеобразны: случается, что один из них женится на красивой девушке своих нанимателей.

Красноярск. Общий вид. 1900-е гг.

Город Красноярск построен в стиле русских и сибирских городов, которым я уже давала описание, и не буду повторяться. Большой пожар уничтожил его почти полностью два года назад. Вот почему видно много обожженных стен, которые пока не снесены¹⁵. Зрелище достаточно грустное для жительницы из Пайерна.

Учебные заведения хорошие. Имеется также педагогическая школа¹⁶. Общество — приятное. К сожалению, люди, которые знают французский язык, здесь редко встречаются.

Я уже давно должна заговорить по-русски, но это не легко.

Жизнь здесь недорогая. Нет учителя начальной школы, который не имел бы двух-трех слуг¹⁷: кухарку, горничную, кучера — и, по крайней мере, одну лошадь — предмет особой роскоши. Хотя их жалованье составляет только от семи до восьмисот рублей, эти господа не занимаются сельским хозяйством, как это делают обычно швейцарцы.

Климат зимой сносный, нет совсем снега. Температура удерживается, как правило, между пятнадцатью и двад-

цатью градусами ниже нуля, редко ниже и никогда ниже двадцати семи градусов.

Вскрытие реки ото льдов только что началось на Оби и Енисее. Через неделю эти реки полностью освободятся, и весна установится окончательно.

В данный момент термометр показывает странные колебания. В последнее воскресенье было плюс пятнадцать градусов в тени; в понедельник температура не поднималась выше двух градусов, а на следующий день она упала до четырех градусов ниже нуля.

Еще нет цветов и даже следов зелени.

Мне весьма любопытно изучать сибирскую флору, которая напоминает, говорят, флору из наших высоких Альп.

Представьте себе, что эдельвейсы, о которых наши отчаянные альпинисты восторженно говорят после своих походов, здесь растут в некоторых местах как одуванчики на полях, так что можно жать без разбора!

Через месяц мы отправляемся на несколько недель на дачу недалеко от Саян, четыре дня плыть на пароходе вверх по Енисею от Красноярска. Мы будем жить среди юрт, окруженных девственным лесом, какого-то племени,

я не знаю, кочующих татар! У меня будет возможность там посетить несколько мест, где промывают золото, и я вам обещаю содержательное письмо, где я расскажу любопытные вещи, которые, возможно, вас заинтересуют и которые я в скором времени увижу.

Пока довольствуйтесь этими сведениями, увы, увы, малокрасноречивыми, но точными, о чем путешественники не всегда могут похвастаться!

Красноярск, 18/30 апреля 1884

Новобазарная площадь в Красноярске. В глубине кадра — Кафедральный Богородице-Рождественский собор. 1890-е гг.

Вид Воскресенской улицы от Новобазарной площади на восток. 1900-е гг.

Вид на Красноярск с пожарной каланчи. 1890-е гг.

Перекресток улицы Воскресенской и Почтамтского переулка
с перспективой на восток. 1890-е гг.

Перекресток Благовещенской улицы и Почтамтского переулка
с перспективой на восток. 1890-е гг.

Дом нижеудинского купца Василия Философовича Васильева, где жил губернатор
Енисейской губернии. 1890-е гг.

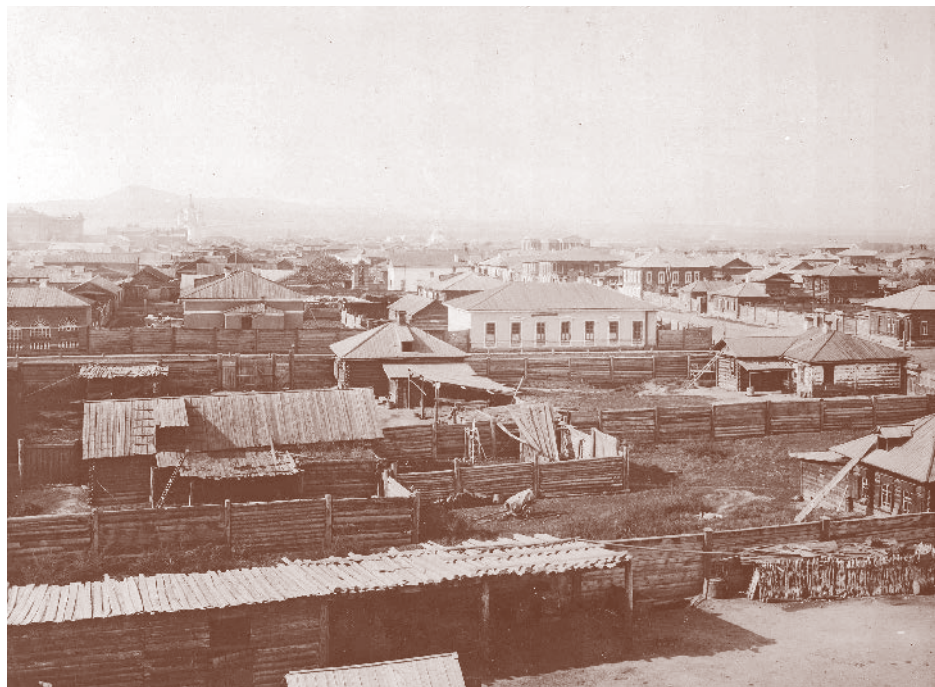
Старобазарная площадь. 1890-е гг.

Новобазарная площадь. 1890-е гг.

Фрагмент Театральной площади с перспективой Благовещенской улицы
на северо-запад. 1890-е гг.

Вид Красноярска с угла Гимназического переулка и Благовещенской улицы. 1890-е гг.

Вид Воскресенской улицы со стороны Благовещенского переуллка. 1890-е гг.

Старобазарная площадь. На дальнем плане — Благовещенская церковь. 1890-е гг.

Благовещенская улица. Справа — здание уездного училища. 1890-е гг.

Весенний разлив Качи. На дальнем плане виден
Воскресенский собор на Стрелке. 1890-е гг.

Здание Государственного банка на улице Гостинской. 1890-е гг.

Дом Евдокии Петровны Кузнецовой на углу Воскресенской улицы
и Благовещенского переулка. 1890-е гг.

Улица Воскресенская. 1890-е гг.

Большекачинская улица со стороны Почтамтского переуллка. 1890-е гг.

Деревянный двухэтажный дом томской мещанки Юлии Константиновны Усковой,
в котором находилась гостиница «Россия». 1900-е гг.

Шипилинский взвоз, дом Матвеевых на улице Береговой. 1890-е гг.

На золотых приисках Кузнецовых.

НЕСКОЛЬКО ПИСЕМ ИЗ СИБИРИ

*(неопубликованные письма
Олимпии Риттенер)*

**На пароходе между Тобольском и Томском
13—25 сентября (1883)**

Дорогие тетушки и дядюшки!

Через одиннадцать дней плавания (это дольше, чем доплыть до Америки) меня доставят в Тюмень, затем на следующий день в Томск, где я сойду на берег. В Тобольске

мы остановились на самое короткое время посреди ночи. Настоящая сибирская ночь со снегом, ветром, жандармами и заключенными, которых я имела удовольствие видеть на пароходе в костюмах каторжников с мешком на плечах и цепью на ногах, истинные преступники. Мы путешествуем вместе с той лишь разницей, что я устроена достаточно комфортно в первом классе, в то время как трюмы набиты ссыльными.

За то время, что мы поднимались по Оби под более южной широтой, температура стала вновь приятной. Прекрасное лето Сен-Мартина, свежий ветерок, но яркое солнце и голубое небо. Несмотря на все это, я несколько утомлена, так как вот уже более трех недель, как я медленно тащусь по бесконечным дорогам. Завтра в среду мы будем в Томске, если только плавание не задержит песчаная мель (так как река в это время сильно занесена песком). Там мы надеемся найти тарантас семейства К[узнецовых], поскольку нет ничего ужаснее почтового тарантаса. Мы вынуждены менять экипаж на каждой станции, и это не пустяк, рассудите сами. Хорошо оборудованный тарантас состоит из устойчивой, глубокой и вместительной

корзины, как для белья. Она установлена на прочном креплении из молодых березовых стволов, на которых крепятся колеса. Размещают в тарантасы чемоданы, запасы продовольствия в дорогу и огромное количество вещей, слишком долго перечислять. Затем расстилают тонкий слой сена, одеяло, и именно в эту корзину, на вещи устраиваются несчастные пассажиры. Необходимо найти наиболее удобное положение, что происходит только после нескольких попыток. Это удобство относительное. Бесполезно оказывать сопротивление постоянным толчкам экипажа. Нужно позволить себе трястись, как тюк с товарами. Толчки иногда такие, что кажется, будто внутренности оторвутся от тела. И так день и ночь. Ночи очень холодные, и я, понятно, простудилась. Еще бы! Нет привычки у нас спать под открытым небом.

Мы выехали из Екатеринбурга в понедельник утром десятого сентября, а восемь часов спустя мы были в Тюмени. Тарантас был нанят на всю поездку. Четырнадцатого сентября мы отправились из Тюмени и через двадцать четыре часа в тарантасе прибыли на пароходную пристань. Было очень холодно. Выйти на каждой станции, перенести

весь багаж в другой тарантас — это не просто. А эти тарантасы! Простые сенные повозки! Коренные жители данной местности придумали добавить к повозке низкий твердый откидной верх из дерева. Когда пассажиры сидели в тарантасе, верхняя часть его была по голове. Когда лежали — голова билась о дно при каждом ударе. Мораль: если вы хотите путешествовать по Сибири, предварительно продубите кожу черепа. На пароходной пристани мы узнали, что пароход, по-видимому, отправится только через сорок восемь часов. Мы устроились в крестьянском грязном и перегретом доме. Ночью мы легли на пол, под нашими бедными телами не было матрасов. Бесчисленное множество насекомых всех видов. Все это не давало нам заснуть. К счастью, на следующий день вечером (воскресенье шестнадцатого сентября) нам дали разрешение подняться на пароход, менее комфортабельный, чем на Волге. Это означает, что у нас нет больше кроватей, что каюта в три раза теснее, а софа вдвое уже!

Кстати, вы получили мое письмо из Перми?

Письмо от 14 октября 1883

Письмо Юлии и Жанне Фроссар¹⁸

Я вам пишу из центра Азии, очень далеко от вас, не правда ли? Поэтому мне приятно видеть около себя фотоальбом, где вы обе изображены, и раскрашенную коробку Жанной. Они занимают почетное место вместе с другими родными безделушками на бюро.

Расскажу, как я здесь устроилась: пока все хорошо. Они со мной любезны, и у меня есть основания быть довольной послушным ребенком со способностями и достаточным усердием.

Да, со мной любезны, но вся эта деликатная и холодная вежливость не заменит очарование задушевности. Иногда я предпочла бы хороший спор с одной из вас этим милым улыбкам, ничего не значащим. Но каждую минуту боишься, что они исчезнут. Но когда не рождаешься счастливым, не может идти речь о том, чтобы говорить, что хо-

телось бы больше того или другого, а о том, чтобы смело двигаться к осуществлению своей мечты. Красивая проповедь! Вы сейчас подумали, дорогие девочки, что я совмещаю здесь обязанности учительницы и пастора! Но нет, у меня достаточно дел и без богословской практики.

У ребенка¹⁹ ежедневно два часа уроков, которые веду я. Один час предоставляю себе, другой буду использовать как частный урок за один франк тридцать сантимов. Это — мои карманные деньги (горы рублей остаются, как вы видите, в регионе Бруа!).

Я учу прочно и настойчиво русский язык, но это не легко, уверяю вас. После того как я вызубрила бесконечные склонения, знаний у меня не прибавилось. Все вертится в моем бедном птичьем мозжечке. Я провожу все вечера одна в своей комнате. Как только Александра в постели, я беру русскую грамматику, несколько французских книжек, которые мне одолжили, немного переписки, и часы летят очень быстро. Что бы я ни делала в гостиной втроем с г[осподином] и г[оспожой] К[узнецовыми], разговор никогда не клеится. Я предпочитаю уединение, впрочем, никто меня не принуждает нарушить его.

Александра Александровна Кузнецова с ребенком.
Енисейская губерния. Конец XIX в.

Александра Александровна
Ярилова-Кузнецова с дочерью. Рига.
1900-е гг.

Александра Александровна Кузнецова
(Ярилова) (1872—1949). Красноярск.
1890-е гг.

В Красноярке жизнь спокойна. Жители изредка посещают театр, потому как актеры плохие, клуб — потому что молодежь не любит больше танцевать²⁰. Редкий обмен вежливыми посещениями и приглашениями только два раза в год: на Рождество Христово и Пасху. Всегда меня окружают одни и те же лица. М[адам]²¹ очень живая и очень занятая. Г[осподин] крайне спокойный. Он не знает французского языка, а также редко говорит по-русски. Во время обеда появляются мать²² г[осподина], не знающая французского языка, и ее дочь, барышня Евдокия²³, которая мне действительно симпатична, но с которой у меня непосредственно нет отношений. До меня дошли слухи, что у последней гувернантки были трудности с расчетом, что в день отъезда, придираясь к ней, ее обвинили в краже варений и, наконец, в течение шести месяцев уничтожали ее письма. Итак, когда вы будете мне писать (как я радуюсь, что я скоро узнаю от вас новости), не намекайте на К[узнецовых], которые могут вести себя недостойно, а я без писем с родины тосковала бы.

Мне дает немного уверенности то, что после услышанного рассказа о названной гувернантке, мне кажется,

Красноярское общественное собрание. Красноярск. 1900-е гг.

Екатерина Михайловна Кузнецова,
жена А. П. Кузнецова. Санкт-Петербург.

Александра Федоровна Кузнецова
(Киндякова), жена П. И. Кузнецова, мать
А. П. Кузнецова. Красноярск. 1860-е гг.

Евдокия Петровна Кузнецова
(1846—1913).
Санкт-Петербург. 1870-е гг.

что она слабее характером, чем я. Правда, что здесь, не зная русского языка, не выйти из дома. Даже К[узнецовы], будучи самыми богатыми людьми в городе, так же неприступны, как сам император.

Жизнь комфортна, едим много и вкусно. Завтрак около девяти часов, ленч в одиннадцать тридцать, обед в четыре часа и чай с пирожными вечером. Я боюсь прибавить в весе, потому что я — дама! Это не экономично, нужно перешивать свои платья. Снаружи дом не имеет вида, он низкий (только два этажа), но удивляешься тому, как он просторен внутри: чрезмерное количество живописи, зеркал и зелени. Огромная гостиная с двумя фортепьяно. Что касается мебели, то ее самое большое достоинство — легкость. Рабочим кабинетом г[осподина] К[узнецова] служит маленькая гостиная. Именно там мы пьем чай после обеда (вместо черного кофе). Столовая — большая комната, побеленная известью. Деревянные стулья стоят вдоль стены. Нет изящной мебели. Поставец совсем обычный. Я чувствую себя очень хорошо в своей комнате. Стулья разного происхождения, кресло и кушетка покрыты чехлами. Это не мешает им быть очень удобными. Бюро,

Дом Е. П. Кузнецовой. 1910-е гг.

Е. П. Кузнецова с племянницей. Апрель 1888 г.

Евдокия Петровна Кузнецова. Санкт-Петербург. Конец XIX в.

Гостиная в доме Е. П. Кузнецовой. Красноярск. Конец XIX — начало XX вв.

Будуар в доме Евдокии Петровны Кузнецовой.

Е. П. Кузнецова с племянницей Еленой, дочерью Л. П. Кузнецова.
Франция. 1890 г.

Правление Владимирского приюта. П. И. Рачковский,
в центре сидит Е. П. Кузнецова. 1890-е гг.

за которым я пишу, очень красивое и крепкое. В огромное зеркало от пола до потолка я смогла бы увидеть себя во весь свой маленький рост трижды. Застекленный шкаф, куда я складываю одежду, позволяет мне любоваться собой со всех сторон и наблюдать за моим ростом в ширину. Здесь нет маленьких или больших белых занавесок, зато все подоконники заставлены горшками с цветами. И сейчас у меня примулы и герани пышно цветут, что придает этой комнате уютный вид. Стены увешаны красивыми картинами: облокотившаяся одалиска; разбойник, который собирается выпить чарку вина; красивый Христос в слезах рядом с хорошенькой миловидной девочкой; два маленьких пейзажа и голландское старинное полотно с изображением бабушки, которая учит читать свою малышку. Вы видите, что ничего тут не упущено. Рядом с упомянутой комнатой находится рабочая комната, где я сплю. Кровать, комод, туалетный столик, большой шкаф составляют обстановку этой комнаты. Мне дали столько места для размещения моих вещей, что я смогла бы свободно поместить приданое в три раза большее, чем мое. Кровать, ну конечно, с непружинным матрасом! Очень

Интерьер дома купца-золотопромышленника А. П. Кузнецова. 1900-е гг.

плотный и жесткий матрас на деревянных перекладинах — и все! Но в кровати я никогда не позволяла себе нежиться и сплю здесь даже лучше, чем в Пайерне (это ни о чем не говорит, так как я половину ночи не спала). Дом полон слуг, лошадей и собак. Семья имеет коров; это дает уверенность в том, что молоко натуральное. Все производится здесь (подумать только, я нахожусь при коммунизме). Мы ежедневно выпиваем по маленькой рюмке «Бордо» или «Шато д'Икем» и совершаем короткую прогулку в экипаже. У меня и моей ученицы на двоих свой экипаж: чистокровная лошадь и кучер с длинными усами в длинном кафтане. Дамы из семейства К[узнецовых] время от времени развлекаются, например: барышня Евдокия и ее три сестры проезжают через половину Азии, всю Европу, садятся на судно в Гавре, посещают выставку в Филадельфии и настойчиво двигаются до Франсиско! А затем возвращаются, только и всего!!!²⁴

Как мило, золотые рудники! Если вы обнаружите их в лесах Эшесби, предупредите меня великодушно! Дамы обычно очень просто одеваются. По воскресеньям и многочисленным праздникам — очень хорошо, каждый

Водопад Ниагара. Сев. Америка. Сестры Кузнецовы, слева направо — Елизавета, Александра и Евдокия. 1874—1876 гг.

раз во что-то новое. В середине дня уже вновь меняют наряд, который носится в течение всей недели, с одним и тем же бантом. Моя ученица, единственная дочь этих миллионеров, сегодня мне сказала с довольной улыбкой, что она носила одно и то же платье в течение трех лет, однако как мало нужно ткани, чтобы одеть десятилетнего ребенка. Вы можете поверить, насколько, с моими бережливыми предпочтениями, меня устраивает эта скромность! Все же надо будет мне купить шубу, которую я выберу по своему вкусу. Я ежедневно считаю по пальцам, сколько понадобится времени, чтобы приобрести состояние, и я вижу, что это будет не скоро.

Я только что поболтала с няней Александры, которая исполняет обязанности горничной в моей комнате. Вы можете, мои дорогие красавицы, себе представить разговор! Я обращаю ваше внимание на адрес, написанный мной на конверте совершенно самостоятельно, без какого-либо руководства. Только один раз я попросила г[оспожу] написать адрес за меня, но она это сделала с таким упреком, что я приняла твердое решение улаживать это в будущем самой. Ничего здесь не упущено вплоть до помпезного ти-

тула Юлии, дочери Жюля. У нас титул заменяется словом «мадемуазель». Ничего забавного у них нет в манерном обращении г[оспожи] К[узнецовой] к своему мужу: «Александр, сын Петра, вы будете жаркое?» Или ответ: «Нет, спасибо, Екатерина, дочь Михаила». Это, правда, произносится в двух словах: Александр Петрович, Екатерина Михайловна.

Дорогая Жанна, ты можешь себе представить свою кузину, сидящую после уроков на одном краю кушетки, и Шуру на другом краю, которые черпают прямо из мешка лесные орехи и щелкают их зубами. Названные орехи — семечки, спрятанные в чешуйках сибирских кедровых шишек (у нас здесь кедровые леса, мадемуазели). Семечко величиной с маленькую фасоль с настоящим вкусом лесных орехов под древесной оболочкой, которую легким ударом зубов можно расщелкнуть. Благодаря именно этому умению удастся точно и ловко щелкать орехи: если делать это неправильно, они полностью теряют свой вкус. В обществе орехи заполняют паузы в разговоре; когда не знают, что говорить, каждый начинает грызть орешки. Это называется сибирским красноречием.

Вы хорошо проинформированы о том, что я здесь делаю. В следующий раз я вам напишу о своем длинном путешествии, как я спала под открытым небом в мороз в открытом тарантасе и видела ангельские сны, в которых Мелания (скажи это ей, Юлия) играла главную роль. Почему, я не знаю. Я написала Юлии из Тюмени, я не знаю, дошла ли моя тарабарщина до нее. Тридцатичасовая остановка у крестьян в избах, полных насекомых: вечером бросали пальто на пол, и вот кровать готова. После одиннадцати дней на пароходе (это дольше, чем доплыть до Америки) мы высадились в Томске. Эта постоянная тряска в тарантасе четыре раза по двадцать четыре часа, которая вам сотрясает внутренности, вывела меня из терпения.

Вот и я, вот и я в очаровательной стране, она и вас не огорчила бы. Енисей — широкая река с глубокой и синей водой. Невысокие горы на другом берегу опускаются пологим скатом. Вот что я написала, пока не устала рука и голова тоже. Пора идти спать. Дорогая Юлия, сегодня только четырнадцатое октября, однако все мои пожелания по случаю твоего дня рождения дойдут до тебя слишком поздно, какое расстояние!

С тех пор как я покинула дом, почти два месяца я не получила ни слова ни от вас, ни от семьи Н.! Должно быть, у вас все хорошо, я надеюсь, ничего печального. Полагаю, что у тебя появился милый жених!

24 октября 1883

Моя дорогая тетушка!

Из опасения, что ты беспокоишься обо мне, я сейчас тебе напишу несколько строк, чтобы сказать, что я продолжаю себя чувствовать здесь очень хорошо и что я надеюсь, что все пойдет гладко.

Вчера я сильно страдала от мигрени, последствия которой еще чувствую сегодня. Вот почему буду кратка. У меня, впрочем, нечего вам рассказать о своей очень однообразной и занятой жизни. Я достаточно продвигаюсь в русском языке. Я могу читать с запинками и писать без особых затруднений. Здесь и там я схватываю отрывки разговора, хотя нет больших совпадений между польским и русским языками, тем более между французским и итальянским. Между тем в Польше²⁵ я слышала славянскую речь, и это уже большое преимущество.

Я постоянно выезжаю с Шурой в экипаже: настоящее удовольствие, так как местность очень живописна, кру-

гом горы, не очень высокие, но хорошо выделяющиеся на горизонте. У Енисея вода красивого синего цвета. Это зрелище, рассматриваемое при ярком солнце, под туманным утренним небом, производит очень приятное впечатление. У нас были очень теплые дни, а теперь начинается зима, вчера было десять градусов ниже нуля, позже будет доходить до тридцати пяти градусов. Как я предпочитаю сильную стужу изнуряющей жаре! Покои удобно оборудованы и вовремя отапливаются.

В доме не видно гостей. Только два раза в год посылают приглашения: на Рождество и Пасху. В этом есть своя прелесть в некоторых отношениях: во-первых, у них очень тихие вечера, во-вторых (это также является причиной их обычая), они не обязаны быть всегда в праздничной одежде.

Я очень довольна своей ученицей, славной, очень искренней девочкой, хорошо воспитанной в верных моральных устоях. Она знает, что должна меня слушаться и уважать. У нее нет ко мне ни одной претензии. В то же время у многих детей возникают недовольства к своим гувернанткам. Однажды она мне сказала: «Я так люблю своих гувернанток».

Я даю частные уроки за пятнадцать рублей в месяц. Если я смогу иметь еще больше, то это будут мои карманные деньги. Например: частные уроки имеют чрезвычайно низкую цену, половина рубля за час, кроме Кузнецовых, почти нет богатых. Большой пожар, который уничтожил чуть ли не весь город два года назад, разорил многих людей.

14 декабря 1883

Семье

Моя девочка спит, и я готова вам написать несколько строк, прежде чем пойти самой спать. У меня нет ничего нового, что бы вам рассказать. Когда я начинаю писать, мне очень приятно мысленно быть с вами.

Что касается новостей вне дома: извините, я не могу вам сказать, что у нас лежит снег. Да и в течение этого года было его недостаточно, чтобы засыпать комара. Погода чрезвычайно теплая: от шести до восьми градусов ниже нуля и часто по вечерам между десятью и одиннадцатью градусами. Г[оспожа] К[узнецова] заходит в мою комнату, чтобы пригласить меня побродить вместе по улицам. Бродить — подходящее слово, так как мы идем спокойным шагом, останавливаемся каждый раз, когда разговариваем, смеемся или играем с Зоринкой, любимой домашней собакой. Не может быть и речи о живых волках...

или плюшевых, ходим открыто. Другим вечером я увидела зрелище: красивое северное сияние. Небо имело такой же вид, как во время восхода солнца. Оно окрашивалось золотыми, алыми и нежно-зелеными цветами, которые, в конце концов, смешивались в однородный светящийся оттенок нежно-розового цвета, в то же время сверкала луна. И появилось что-то фантастическое, когда белая церковь с зелеными куполами озарилась розовым и серебристым сиянием. Это продолжалось двадцать минут.

В прошедшее воскресенье я была на концерте, за которым следовал публичный еженедельный танцевальный вечер. Красавицы отправляются в закрытых платьях темных цветов. Друг К[узнецовых] мне представил двух молодых безусых и задорных офицеров, которые меня пригласили танцевать. Но какой забавный обычай в этой стране! Кавалер танцует только один тур по залу со своей дамой, затем она переходит в руки к другому, и так бесконечно! Танцевать весь танец с одной девушкой было бы в высшей степени компрометацией по отношению к ней! Вот ложная стыдливость, которую я увидела только у русских, которых считают наименее стыдливymi в Европе.

Непрерывное движение вперед и назад одной пары рук к другой меня быстро утомили. Каждый танцор проявлял свое умение молча. Я предпочла наблюдать и восхищаться ловкостью и грациозностью этих славян, настоящих сынов Терпсихоры. Они танцуют с чрезмерным воодушевлением, внося, таким образом, в вальс его характерную черту истому и в кадрили — церемонность. Но им это охотно прощают. Галантность, например, здесь не является обязательной. Приглашают свою даму без церемонии: вместо того чтобы ей предложить руку, ее берут сразу же за талию. Когда тур завершен, даму покидают где придется. Г[оспожа] К[узнецова] мне говорила, что двадцать лет назад здесь намного больше уделяли внимания прекрасному полу и что рыцарский культ уже устарел. В воскресенье я, конечно, пойду в театр. Как только появляется что-нибудь новое посмотреть или послушать, я всегда принимаю в этом участие. Вот такие новости из чужого края.

Если говорить о новостях домашних и что касается меня, я счастлива вам сообщить, что чувствую себя хорошо, и думаю, и у меня есть на то причина, что это так будет и дальше. Гувернантка, которая была здесь до меня,

Городской театр на Театральной площади. 1890-е гг.

женщина-ребенок, без образования и без характера. Что касается меня, то видно с первого взгляда, что у меня крепкая хватка. Это, по крайней мере, я слышала от моих швейцарских друзей в Петербурге, Екатеринбурге и в Томске. Служанка мне рассказывала, что барышня Гранишер (упомянутая гувернантка) была безумно завистлива к состоянию К[узнецовых] и тратила на наряды до последнего су, чтобы соперничать в элегантности с дамами, которые ее находили, естественно, очень смешной. Что касается меня, я далека от зависти к миллионам К[узнецовых]. Я им пожелала бы от чистого сердца десять раз столько же, лишь бы они увеличивали мое жалованье соразмерно росту своего богатства. А я добиваюсь увеличения своего состояния только самой строгой бережливостью. Впрочем, у меня только одна цель: достичь как можно раньше независимого положения в обществе и иметь свое гнездышко около вас. Ведь по закону природы каждая птица имеет свое гнездо, правда, кукушки довольствуются гнездами других, но я вовсе не кукушка.

Я без труда получила жалованье, и г[осподин] К[узнецов] положил для меня в банк сумму около вось-

мисот франков. Я считаю, что отныне через месяц снова положу сотню. Похоже, что доставить сумму переводным векселем в Швейцарию достаточно дорого, и, следовательно, я решусь отправить деньги только в конце года.

Это так раздражает постоянно думать о старости, о возможных болезнях, о непредвиденных несчастных случаях. Я проклиная судьбу, цель которой накопления капитала. Я отправилась бы на край света, если знала бы, что там будет самое настоящее счастье, и действовала бы не как мой глупый разум этого хочет, а как мое сердце того желает. Между тем я не должна упрекать себя в мало-душии. Мне кажется, что я не отступила даже по дороге из Томска в Красноярск, где, предвидя самое мрачное будущее, я мужественно смирилась и была готова страдать и бороться. Но, однако ж, я недовольна собой, полагая, что не могу ничего сделать для вас, тех, которые были всегда для меня так добры.

Праздники Рождества и Нового года на пороге, для вас еще ближе, чем для меня. Когда это письмо до вас дойдет, вы уже проживете несколько дней в 1884 году. Позвольте мне вам еще раз принести мои теплые пожелания, чтобы

этот год вам принес много счастливых моментов. Мое сердце сжимается, думая о вечности, которая пройдет, прежде чем мы сможем все вместе отпраздновать Новый год. Прощайте, прощайте! Я вас люблю и нежно обнимаю. Пишите мне открыто, я теперь вполне уверена, что к вашим письмам не притронутся.

Побудите Юлию²⁶ к продолжению учебы. Это ей не мешает найти мужа, если в этом ее судьба, иначе ей придется присоединиться ко мне.

21 января 1884

Письмо неустановленной школьной подруге

Моя дорогая Жанна!

Разрешите мне называть вас этим именем, и не церемоньтесь больше со мной, я прошу вас.

Я была тронута приятным воспоминанием, которое вы сохранили обо мне, тем более я думала, что меня, однажды сосланную на другой конец света под тот же меридиан, что и Калькутта, возможно, забыли.

Хорошо сказано, что пословицы — мудрость народов. Они не всегда справедливы, все же пословица «в глазах мил, а за глазами постыл», верно, не про меня.

Все, что вы рассказываете о своем добром городе Невшатель, меня очень заинтересовало. Вы можете поверить в то, что почти не проходит и дня, когда я не совершала бы путешествие в ваши края. Мне достаточно для этого облачиться в старое платье, закрыть глаза, и вот я мчусь гало-

пом во весь опор по дороге к родине. Этот путь, который длится чуть меньше пяти недель на всех транспортных средствах, устроенных европейской и азиатской цивилизациями для путешественников, сокращен для храбрых всадников, которые не боятся оседлать Пегаса.

Вы мне не говорите, моя дорогая Жанна, кто вам дал мой адрес: мне было бы весьма любопытно узнать об этом.

У меня перед глазами ваше любезное письмо с большим количеством вопросов, которые вы мне задаете. Я вам сейчас отвечу в том порядке, в котором вы мне их написали.

Мне было приятно и страшно на государственных экзаменах у г[осподина] Джона Клерка. Вы же знаете, что я не блистала по теоретической географии, зато по практическим занятиям, я думаю с гордостью, что смогла бы без сомнения дать фору самому г[осподину] Д[жону] Клерку. В данное время я почти не занимаюсь литературой. Я достаточно занята и посвящаю свое свободное время изучению трудного русского языка и фортепиано, а в часы усталости — легкому чтению. Нужно иметь много свободного времени, чтобы серьезно писать. Жизнь

здесь достаточно приятная и веселая, но без каких-либо романтических обстоятельств; таковы слабые места.

Я живу на берегу реки Енисей на некотором расстоянии от Саянских гор, отроги которых простираются до дикой горной местности. Енисей — очень широкий. Река окаймлена на противоположном берегу горными хребтами, которые напоминают высотой Юрские горы, но более разобщены, с разнообразными и фантастическими формами. Все это создало предпосылки для возникновения татарских легенд, в которых выясняется, что эти своеобразные вершины были возведены великанами.

У меня только одна ученица, которой идет двенадцатый год, и вскоре будет такой же взрослой, как и я. Я ей преподаю только французский, музыку и буду преподавать немецкий язык. Учитель гимназии и директор Красноярской учительской семинарии²⁷ дают ей уроки на дому. Родители очень хотят, чтобы она стала образованной девушкой и тем самым оказала бы честь семье. Это добрая девочка, которая привязалась ко мне, и вообще послушна, за исключением тех случаев, когда она начинает играть в избалованного ребенка! Но ведь учителя никогда

Семья и родственники И. Т. Савенкова. Во втором ряду третий слева — И. Т. Савенков.
Варшава. 1900 г.

не имели дело с ангелами, и они не уверены в том, что сами были ангелами в детстве. Я вам скажу, наконец, что я совсем не сержусь на этого ребенка.

Вот как я провела праздники: в день нашего Рождества Христова²⁸ я дала уроки как обычно. Здесь царила мертвая тишина. Канун Нового года я провела в своей комнате, тихо беседуя с г[оспожой] К[узнецовою]; каждая из нас была занята шитьем. В полночь г[осподин] К[узнецов] и его сестра, любезная барышня от тридцати семи до сорока лет, постучали в дверь, чтобы передать свои пожелания. Я провела время с госпожой в маленькой гостиной, где мы пили токайское вино и смеялись от чистого сердца. Зоринка, моя любимая собака, тоже должна была проглотить рюмочку токайского вина, под предлогом выпить за мое здоровье. Можно сказать, что мы вели себя как дети. В следующее воскресенье (шестое января) было Рождество Христово²⁹. Вечер мы провели у енисейского губернатора³⁰, у которого, между прочим, ежедневно я даю один урок. Была рождественская елка, большой детский праздник. Некоторые из детей были прехорошенькими, как на английских виньетках. Через день, когда настенные

часы пробили десять часов вечера, б[арышня] К[узнецова] говорит мне: «Спокойной ночи». Во всяком случае, я подумала, что этими словами все и закончится, но нет, она продолжала: «Вы можете одеться за полчаса?» — «Конечно». — «Хорошо, в таком случае одеваемся, и я вас увожу на бал». Сказано — сделано. Мы отправились на бал и оставались там до трех часов утра, где я много веселилась, хотя, на мой взгляд, у нас веселее, чем здесь. Представьте себе, что в России не принято, чтобы один и тот же кавалер совершал более одного тура в танце с одной барышней. Барышни рискуют постоянно подпирать стену, и нет никакой возможности поговорить; для меня это является в высшей степени удовольствием. Через день меня вывели на литературный вечер, где любители читали по очереди отрывки самых известных произведений Тургенева. Я изо всех сил старалась их понять. Мне даже удавалось схватывать целые отрывки, которые следовали за другими непонятными, как на иврите; это меня чрезвычайно раздражало. Через день, в пятницу, одиннадцатого января, я помогала нарядить очень высокую елку, которую щедро украшали, чувствовалось изобилие золотых рудников.

Двенадцатого января, вечер Сильвестра, елка освещена, был костюмированный детский бал. Я получила в подарок очаровательную брошь в виде золотой ветки, покрытой жемчугом вместо росы. Вечер продолжался допоздна. В полночь многочисленные гости взаимно пожелали друг другу и хозяевам счастливого года при веселом звоне бокалов шампанского. В понедельник, четырнадцатого января, во время обеда Г[оспожа] К[узнецова] меня спросила, хотела бы я переодеться в маскарадный костюм и пойти на маскарад, который состоится этим вечером. Эта идея мне показалась весьма забавной. Мне одолжили костюм малоросски, состоящий из юбки темного цвета, вышитой внизу шерстью яркого цвета, из рубахи с очень широкими рукавами, закатанными до локтей, из вышитого сверху донизу передника, из широкого и длинного пояса из цветного шелка. Заплетают волосы в косу, которую завязывают в узел лентами или покрывают ее по желанию цветным платком. Первый раз в жизни я надела маску, и мы отправились. Г[оспожа] К[узнецова], у которой самый спокойный нрав в мире и которая почти не выходит из себя, была без маскарадного костюма. Она мне объяснила, как мне

Олимпия Риттнер. В костюме
малоросски. 1885 г.
Peter Collmer. Die besten Jahre unseres
Lebens. С. 143

можно передвигаться в зале, предназначенном для гостей в масках. Я никогда не была на маскараде, мне было любопытно узнать, какое впечатление произведет на меня подобный бал. На маскараде каждый был в маске. Бал мне показался одновременно веселым и грустным и пугающим, как на похоронах. Мнимый татарин, выше и стройнее, чем сам Геркулес, я в том уверена, пригласил меня на кадрили. Была теснота; никогда я не находилась среди стольких людей. У меня был вид растерянной курицы. Я сбивалась в кадрили, которую

танцуют русские. Нужно сказать, что мой татарин повторял несколько раз: «Ну, ну, малышка, осторожнее». Это фамильярное «ты» мне не очень приятно. Все же во время второго танца я уже чувствовала себя более проворной. Я себе сказала, что, в конце концов, я приехала сюда не для того, чтобы умереть от страха, а для того, чтобы наблюдать. И я стала наблюдать во время танца. Что меня развлекло, так это сравнение здешних костюмов с костюмами, которые могли бы носить у нас в подобном случае: костюмы французских или швейцарских, итальянских или тирольских и испанских крестьян, одним словом, наших близких соседей. Здесь также наряжаются по обычаю своих ближайших соседей. Это костюмы великороссов и малороссов, татар, китайцев, самоедов, персов. Казачий офицер, веселый персонаж, в костюме польского еврея исполнял с друзьями еврейский танец времен Талмуда. Танец заставлял зрителей смеяться до слез. Я смотрела на этого еврея с симпатией. Мне казалось, что так просто переехать из Пайерна в Варшаву, как перейти из гостиной в столовую... Два дня и две ночи по железной дороге — насмешка для тех, кто проехал дальний путь в течение

Иван Петрович Кузнецов.
Красноярск. 1890-е гг.

пяти недель без остановки. Я оставалась на балу до четырех часов. Итак, наступило четырнадцатое января.

Г[оспожа] К[узнецова] шестнадцатого января мне предложила костюм денной красавицы, который сшила сама для бала: юбка из розового атласа, большие зеленые листья вместо туники, маленький гарибальди из белого тарлатана с розовыми полосками и больших цветов трехцветного выюнка вместо рукавов и шляпы. Бал состоялся вечером. Восемнадцатого я ходила на другой бал, в белом, с братом³¹

Иннокентий Петрович Кузнецов. Томск. Конец XIX в.

г[осподина] К[узнецова] и его женой. Девятнадцатого, засыпая, я давала урок моей ученице. Урок закончился, и г[оспожа] К[узнецова] тихо спрашивает: «Какой костюм вы наденете на карнавал, сударыня?» «О, госпожа, — воскликнула я с отчаянием, — я больше не могу, дайте мне перевести дух!» «Не беспокойтесь, — говорит она мне, улыбнувшись, — вы еще сможете отдохнуть, до карнавала около месяца». В воскресенье я хотела поспать целое утро, но моя любимая Зоринки, которая спит за моей дверью, решив, что я достаточно выпалась, смело вошла и положила свою лапу на мою голову; еще не было девяти часов. Я оделась и вышла; все еще спали. Я приняла верное решение, так как стояла прекрасная погода, а на Енисее — настоящее море стоящих дыбом льдин. При первых лучах солнца все было розовым. Я гуляла два часа по красивому как бы полированному зеркалу. Меня посчитали очень смелой, так как я смогла отважиться в дорогу совсем одна в страну разбойников, но я это уже сделала. Представьте себе, что сторож, который стоит на посту всю ночь с собаками, чтобы нас охранять от воров, и который меня сопровождал столько раз, моя рука в его руке, во время ночных

прогулок в темноте, где я не видала ни зги, представьте, наконец, что это доверенное лицо является убийцей, которого сюда сослали!!! Я ничего не знаю более поразительного, чем этот факт. В первый день нового года (нашего) я взяла наемный экипаж, чтобы прогуляться в санях. Мне посоветовали больше этого не делать, так как я дешево отделалась. Говорят, что кучера наемных экипажей имеют здесь преступную привычку: убивать прогуливающих людей, которые носят шубу или имеют что-нибудь ценное. Фактически — кровожадные звери, которых можно увидеть только на охоте или у некоторых субъектов, которые держат медведей на цепи, даже не надевая на них намордников.

Недавно, войдя нечаянно во двор, я оказалась лицом к лицу с тремя молодыми Мани, которые подбежали и приветствовали меня рычанием. Большое спасибо!

До свидания, моя дорогая Жанна. Примите крепкое дружеское рукопожатие и мои пожелания счастливого Нового года и, прежде всего, удачных экзаменов.

Узун-Жул³², 16 июля 1884

Дорогая тетушка!

Я тебе спешу написать письмо, пользуясь случаем отправить его из города. Случай достаточно редкий, так как до ближайшей почтовой станции — пятьдесят верст.

Мы поселились в Узун-Жуле, в горной местности. Можно представить долину Юра в Альпах, например, но этот ландшафт хотя живописный, не столь великолепен.

Я получила письма от семьи Рапенов из Женевы, от Юлии и мадемуазель Дьякон, у которой она живет в течение почти четырех месяцев; хотя я об этом не догадывалась. Говорят, что Юлия много работает. Бедная малышка, она посвятит себя профессии, к которой просто не готова. Ей предстоит больше работать, чем кому-либо, чтобы достичь своей цели. Она, которой свойственно любой ценой почувствовать себя окруженной любовью, пытается найти немного счастья у чужеземцев.

Троицкий прииск Кузнецовых по реке Узун-чул. 1880-е гг.

Мне недостает терпения по отношению к г[оспоже] К[узнецовой], которая столь капризна. Она беспрестанно противоречит приказаниям, которые только что дает. Я смогла быстро дать отпор ее нападкам. Было бы, от чего терять голову. Ее муж, свояченица и свекровь всегда вежливы и любезны со мной. Хоть что-то хорошее.

Незадолго до отъезда из Красноярска (семнадцатого июня) я получила открытку от тети Генриетты, которая доставила мне большое удовольствие, потому что я бесконечно волновалась за вас. Я надеюсь вскоре опять услышать весточки от вас.

Итак, мы рано выехали из К[расноярска] во вторник семнадцатого. В четверг в полночь нас высадили на так называемую пристань, о существовании которой ничего не предвещало, но это не самый маленький причал. Затем с двух часов утра я тряслась двадцать четыре часа в тарантасе, запряженном пятеркой лошадей, и приехала в субботу двадцать первого. Мы пересекли степи, широкие безлесные поля, без кустарников, без растительности, я бы сказала даже, потому что трава — редкая, желтая и высотой в полмизинца. Ничего более грустного не видала.

На протяжении всего пути вы не встретите селений, где живут европейцы или их потомки, но здесь и там можно увидеть татарские улусы. Это вид деревушки, где живут члены одной и той же семьи разной степени родства. Я посетила один улус. Эти добрые люди вам разрешают зайти к ним и рассмотреть их жилище. Для лета юрта круглой формы полностью покрывается кусками бересты, для зимы она строится более основательно, хотя только из дерева и покрывается коровьим навозом, неприятным на вид и прежде всего с неприятным запахом. Юрта, которую я особенно пристально рассмотрела, принадлежала богатому татарину, имеющему отдельные юрты для семьи и для прислуги. Каждая юрта состоит только из одного помещения, посредине выпуклой крыши находится большое отверстие для того, чтобы проходил воздух, лучи солнца... дождь. Прямо под этим отверстием устроена весьма примитивная печь для отопления и приготовления пищи. Вокруг разложены шкуры зверей, на которых сидят люди, скрестив ноги. Вдоль стен расставлены самые разные предметы: разноцветные сундуки, обитые железом; предметы, изготовленные в России, которые

тетя Г[енриетта], без сомнения, хорошо знает; а также столовая посуда, набор кухонной утвари, иконы, русские святые образа, потому что это номинально обращенное племя устремилось к греческому богослужению до известной степени... У них чаще служат шаманы, чем попы. Впрочем, шаман не имеет религиозных предубеждений. Для него не существуют неверные, лишь бы ему платили за его службу предпочтительно хлебом или водкой, товаром, который достаточно трудно доставить в эти места. Если человек или выючное животное болеет, приходят шаманы, чтобы провести целую ночь, изгоняя духа экстравагантным способом. Я не имела еще удовольствия видеть это. Поэтому при первом же случае, когда заболит жеребенок или корова, я приду к шаману и посмотрю на его обряд с большим любопытством, уж поверьте мне.

У нас есть несколько татарских семей, находящихся в услужении у К[узнецовых]. Муж и жена одинаково хорошо исполняют свои обязанности и работают по очереди, особенно Абдра. Эта худая женщина небольшого роста с каким-то диким запахом — на самом деле хоро-

шенькая. Ей семнадцать лет, и это ее третий муж. Они вечно ссорятся³³.

Представьте, что здесь, если женщина становится вдовой, один из ее племянников должен обязательно на ней жениться независимо от возраста³⁴. Случается, что сорокалетняя женщина выходит замуж за мальчишку, которому едва исполнилось двенадцать лет, однако более мужественного, чем наши мальчики в этом возрасте. Сегодня я видела девочку-татарку пятнадцати лет, горько плачущую. «Что с тобой?» — я ее спрашиваю. «О! Я так несчастна. Есть мужчина, который хочет меня украсть, чтобы жениться!» Вместо сватовства происходит похищение, но с согласия родителей, которым татарин платит за нее лошадьми, быками или коровами, и увозит невесту в мешке. Эти браки заключатся и часто распадаются скорее за месяц, чем за год. Только когда женщина вступает во второй или в двадцатый брак, новый жених отдает предыдущему жениху его приданое. Вы видите, что это совершенно дико.

Кстати, я отправила г[осподину] Жомини рассказ о моем путешествии в Сибирь для того, чтобы он его опуб-

ликовал в газете «Демократ», предпочтительно для моих друзей. Мне об этом ничего не известно. Если это вас интересует, вы могли бы отправить почтовую открытку и спросить, подходит ли эта рукопись и какова ее судьба.

Идет проливной дождь, это хорошо, потому что в эти дни стояла смертельная жара. У вас, должно быть, тоже очень жарко. Тетя Г[енриетта] проводит лето в Монтре, а Мики? Напишите мне о Германе. Я сорвала для вас этот эдельвейс на лугу, а не на отвесной скале. Так как здесь эти господа чрезмерно буржуазны и, возможно, заслужили бы скорее имени Бюргервейс.

Комментарий

- 1 Кантон — административно-территориальная единица в Швейцарии.
- 2 Жомини Генрих (1779—1869), барон, французский и русский военный писатель, генерал. Оставил мемуары по истории наполеоновских войн. Родился в семье мелкого чиновника в швейцарском городке Пайерне. Имя генерала упомянуто в стихотворении «Песня старого гусара» 1817 г. Д. В. Давыдова: «...Жомини да Жомини!» (*Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. С.-Петербург, 1894. Т. XII. С. 33—34*).
- 3 Рамбер Евгений (1830—?), французский писатель, швейцарец, профессор в Цюрихе (*Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. С.-Петербург, 1899. Т. XXVI. С. 247*).
- 4 Кузнецов Лев Петрович (1858—1886), третий сын купца 1-й гильдии, потомственного почетного гражданина г. Красноярск П. И. Кузнецова. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета, получил ученую степень кандидата наук. Член Петербургского Общества содействия учащимся сибирякам. Занимался благотворительной деятельностью. Свой капитал в сумме более 20 тысяч рублей завещал Томскому университету для выдачи премий за сочинение о Сибири (*Мешалкин П. Н., Одинцова М. Н. Предприниматели Енисейской губернии (19 — начало 20 века). Красноярск, 2004. С. 18*).
- 5 Кузнецов Александр Петрович (1848—1913), старший сын и продолжатель дела Кузнецовых. Окончил Петербургский технологический институт. Успешный предприниматель и активный общественный деятель. Более 30 лет он избирался гласным Красноярской городской думы. А. П. Кузнецов постоянно вносил денежные средства в разные организации: на нужды образования, Общества врачей, ученым, на строительство народного дома-театра. Александр Петрович помог в проведении Амурской экспедиции генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева и экспедиции для исследования Северного морского пути в Сибирь, именно он оплатил за учебу В. И. Сурикова в Академии художеств в Санкт-Петербурге (*Мешалкин П. Н., Одинцова М. Н. Предприниматели*

Енисейской губернии (19 — начало 20 века). Красноярск, 2004. С. 13—16; Мешалкин П. Н. Женщины Красноярья (на рубеже XIX—XX веков). Красноярск, 2005. С. 43).

- 6 Граф де Местр, Жозеф-Мари (1753—1821) — философ, литератор, политик и дипломат. Известен как один из наиболее влиятельных идеологов консерватизма в конце XVIII — начале XIX века (*Ru.wikipedia.org/wiki/Местр,_Жозеф_де*).
- 7 Александровская колонна, памятник в стиле ампир, воздвигнута в 1834 г. французским архитектором Монферраном по указу императора Николая I в память о победе его старшего брата Александра I над Наполеоном. Находится на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге.
- 8 Конка — конно-железная дорога, рельсовый уличный транспорт, построена по Невскому проспекту в 1862 г. Тяга вагонов производилась лошадьми. Использовались одноэтажные и двухэтажные вагоны.
- 9 Вероятно, автор ошибается, в Сибири дома строились из сосны и лиственницы.
- 10 Вооруженное восстание 1863 г. против царского притеснения потерпело поражение и завершилось политикой репрессий и русификацией (*сноска Ш. Германн*).
- 11 Вилы — острога, рыболовная снасть.
- 12 Лопари — старое название народа саами.
- 13 Раньше они путешествовали в почтовом тарантасе, конечно менее удобном (*сноска Ш. Германн*).
- 14 Речь идет о долгополой меховой шубе, обычно нагольной, не крытой сукном (*сноска Ш. Германн*).
- 15 Пожар 17 апреля 1881 г. в большей степени уничтожил достаток жителей города Красноярска. Потери доходили до 5 миллионов рублей серебром. Сгорело 390 домов и других строений в центральной населенной части города (*Спутник по городу Красноярску. Красноярск, 1911. С. 30*).
- 16 Возможно, автор пишет о Красноярской учительской семинарии, среднем специальном учебном заведении для подготовки учителей начальных школ. Семи-

нария была основана в 1873 г., создателем и первым директором которой был известный археолог И.Т. Савенков (*Инна Ансимова. Жизнь главного проспекта Красноярска. Красноярск, 2011. С. 148—150*).

- 17 Вероятно, речь идет о материальном положении учителей красноярских гимназий. По данным, приведенным Н.Н. Бакаем, границы годового содержания учителей мужской гимназии составляли от 525 рублей до 1 440 рублей (*Н.Н. Бакай. Двадцатипятилетие Красноярской Губернской гимназии (1868—1893). Красноярск, 1893. С. 6—7*).
- 18 Юлия Риттнер, ее сестра (1864—1894); Жанна Фроссар, ее двоюродная сестра (*сноска Ш. Германн*).
- 19 Кузнецова Александра Александровна (1872—1949) — единственная дочь А. П. и Е.М. Кузнецовых. Окончила историко-филологический факультет Бестужевских высших женских курсов в Петербурге. Была замужем за А.А. Яриловым, в дальнейшем доктором философии, ученым-почвоведом. В 1897 г. принимала участие вместе с мужем в экспедиции по изучению хозяйства и быта инородцев Минусинского и Ачинского округов (*Мешалкин П.Н., Одинцова М.Н. Предприниматели Енисейской губернии (19 — начало 20 века). Красноярск, 2004. С. 21*).
- 20 Автор пишет о Городском общественном собрании, здание которого построено в 1854—1858 гг. по проекту декабриста Г.С. Батенькова. В здании находились большой зал для танцев, помещения для карточных игр и комната для бильярда (*Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 4, кн. 1. Красноярск, 1997. С. 279—284*).
- 21 Кузнецова Екатерина Михайловна, в девичестве Высоцкая, жена А.П. Кузнецова, потомственная дворянка (*Сысоева Л. Во славу любезного Отечества. Красноярск, 2010. С. 74*).
- 22 Кузнецова Александра Федоровна (1819—1887), мать А.П. Кузнецова, в девичестве Агафонова. Несмотря на то что она принадлежала к мещанскому сословию, ей удалось удачно выйти замуж за аристократа П.И. Кузнецова. Этот брак оказался счастливым. А.Ф. Кузнецова считалась женщиной мудрой и практичной,

была настоящей опорой мужа. Она занималась не только домом (было девять детей), но и общественной деятельностью и меценатством. Ее пожертвования в большей части шли на обучение и воспитание имущих и обездоленных детей. (Сысоева Л. *Во славу любезного Отечества. Красноярск, 2010. С. 42—47*).

- 23 Кузнецова Евдокия Петровна (1845—1913) — старшая дочь П. И. Кузнецова. Получила образование в Петербурге, входила в различные общественные учреждения, попечительные советы, комитеты, активно занималась благотворительностью. Была пожизненной почетной попечительницей во Владимирском детском приюте. Е. П. Кузнецова делала крупные пожертвования в пользу музеев Енисейской губернии. Евдокия Петровна, как и все дети П. И. Кузнецова, была потомственной почетной гражданкой города Красноярска (П. Н. Мешалкин. *Женщины Красноярья (на рубеже XIX—XX веков). Красноярск, 2005. С. 43—48*). Е. П. Кузнецова, любительница старины и живописи, длительное время жила в Европе, посещала антикварные магазины и салоны известных художников. В Сибири она организовывала первые художественные выставки, а впоследствии редкие старинные предметы и картины были переданы в дар в музеи Енисейской губернии (Сысоева Л. *Во славу любезного Отечества. Красноярск, 2010. С. 47*).
- 24 Семейство Кузнецовых длительное время жило в Петербурге, Москве, много путешествовало за границей. Цель поездки была не только отдых, но и набраться сил после холодного сибирского климата, тем более серьезно болели Николай и Лев. Лечение в Европе иногда длилось по полгода (Сысоева Л. *Во славу любезного Отечества. Красноярск, 2010. С. 47*).
- 25 В 1879 г. она проживала в провинции Позен (Познань) в семнадцать лет! (сноска Ш. Германн).
- 26 Юлия Риттенер (1864—1894), ее сестра (сноска Ш. Германн).
- 27 Савенков Иван Тимофеевич получил образование в Петербургском университете физико-математического факультета со степенью кандидата в 1870 г. И. Т. Савенков разработал собственную систему педагогического обучения, акцентируя на социальную активность и гражданскую зрелость личности учителя. Иван Ти-

мофеевич, ученый-просветитель, был увлечен археологией, шахматной игрой, театром, спортом и природой. Именно он в 1884 г. совершил выдающееся археологическое открытие — стоянки человека древнекаменного века на Енисее (*Макаров Н. П., Безызвестных Е. Ю. Неутомимый исследователь древностей. С. 43—49. Век подвижничества. Красноярск, 1989*).

- 28 По нашему календарю, календарю григорианскому (*сноска Ш. Германн*).
 - 29 По юлианскому календарю, употребляющемуся в России до революции (*сноска Ш. Германн*).
 - 30 Педашенко И. К., генерал-лейтенант, исполнял обязанности енисейского губернатора с 1882 по 1889 г. (*Л. П. Бердников. Вся красная власть. Красноярск, 1995. С. 298*).
 - 31 Кузнецов Иннокентий Петрович (1851—1916), второй сын П. И. Кузнецова, либо Кузнецов Иван Петрович, младший сын П. И. Кузнецова. Иннокентий Петрович, имея золотые прииски, в большей степени занимался научными исследованиями, много путешествовал, собирал уникальные предметы и древние рукописи. (*Сысоева Л. Во славу любезного Отечества. Красноярск, 2010. С. 72, 77*).
- Иван Петрович тоже имел золотые прииски на юге Енисейской губернии. Оба брата были женаты и имели детей (*Мешалкин П. Н., Одинцова М. Н. Предприниматели Енисейской губернии (19 — начало 20 века). Красноярск, 2004. С. 17—18*).
- 32 Троицкий прииск Кузнецовых на реке Узунжул (Узунчул) (хак. Узун Чул — длинный ручей, левый приток реки Пихтерек) в Минусинском округе Абаканской волости Енисейской губернии (*Березовский А. Я. Географическое название Широинского района Республики Хакасия. Топонимический словарь. Абакан, 2010*).
 - 33 Выражение, употребляющееся в речи в кантоне Во — ссориться (*сноска Ш. Германн*).
 - 34 Речь идет о брачном обычае, левирате, который существовал у многих народов. По этому обычаю вдова обязана выйти замуж за ближайших родственников умершего мужа, в первую очередь за деверя (*Макаров Н. П., Баташев М. С. История и культура народов Севера Приенисейского края. Красноярск, 2007. С. 79*).

Шарлотта Германн

ОТ ПАЙЕРНА ДО КРАСНОЯРСКА

Путешествие молодой жительницы
из Пайерна в 1883 г.

Перевод с французского Н. Ф. Гавриловой

При изготовлении книги использованы фотографии из фондов
Красноярского краевого краеведческого музея

Корректор **Е. М. Уварова**
Верстальщик **Д. В. Обухов**

Подписано в печать 09.10.2020 г.
Формат 70х70/16. Объем 9,1 усл. п. л.
Печать офсетная. Бумага мел.
Тираж 1000 экз. Заказ № 176.

Отпечатано в ООО «КАСС»:
г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 65, стр. 23;
info@kass24.ru, www.kacc.ru, т. (391) 290-22-52